

Светлана Бестужева-Лада

*История
России
в лицах*

Книга третья

Светлана Бестужева-Лада

**История России
в лицах. Книга третья**

«Издательские решения»

Бестужева-Лада С. И.

История России в лицах. Книга третья / С. И. Бестужева-Лада —
«Издательские решения»,

Книга представляет собой сборник исторических миниатюр о знаковых фигурах в истории России. Может быть рекомендована для внеклассного чтения в старших классах средней школы и колледжей.

Содержание

Святое красное солнышко	6
Великокняжеская мудрость	16
Русская императрица Священной Римской империи	23
Первые великие князья Московские	30
Мать слепого князя	37
Символ русской воинской славы	44
Служебница Елена	51
Основатель династии Романовых	57
Конец ознакомительного фрагмента.	67

История России в лицах. Книга третья

Светлана Бестужева-Лада

© Светлана Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Святое красное солнышко

Первый православный князь на Руси, он одновременно был первым и почти единственным князем, образ которого запечатлен в былинах о русских богатырях. Сам далеко не богатырь, он, тем не менее, вершит судьбы и витязей, и бояр, и простолюдинов. Но былины, при всей их занимательности и красочности, не дают почти никакого представления о том, каким же был Владимир Первый Святославович, Святой Владимир Равноапостольный, Владимир Красное Солнышко. Потому что этот человек прожил, кажется, несколько жизней, каждая из которых была логическим продолжением предыдущей.

Ибо действительно слишком долгий и трудный путь прошел сын рабыни, робич, до всемогущего князя, крестившего Русь, и, тем самым, положившим начало ее объединению.

Единственный сын княгини Ольги, Святослав, был воином – и только воином. Государственные дела его интересовали мало, да и правила за него мать, что ни для кого не было секретом. Столь же мало занимали его и женщины, так что Ольге пришлось лично озаботиться поисками для своего сына достойной невесты. Но пока такую девицу искали, Святослав нашел в княжеском тереме девку красоты необыкновенной – Малушу. И, как тогда говорили, слюбился с нею.

Позже будут утверждать, что Малуша приходилась дочерью древлянскому князю Малу, с которым так жестоко расправилась Ольга, мстившая за убитого супруга, князя Игоря. Но никаких доказательств высокого происхождения матери Владимира нет. Да тогда они и нужны-то не были: положение княжеской наложницы не считалось зазорным и даже было почетным.

В наше время, правда, спохватились, что важный исторический момент на Руси каким-то чудесным образом обошелся без пагубного влияния иудеев, поэтому некоторые «историки» объявили Малушу пленницей-иудейкой, не потрудившись, правда, уточнить, в каком из походов княжеская дружина могла захватить такую экзотическую пленницу. Да, в те времена существовала еще достаточно сильная держава – хазарский каганат, правители и подданные которой исповедовали иудаизм. Но по крови мало чем отличались от своих соседей – кочевников-печенегов. Ни в одной летописи нет даже намека на то, что Игорь или Святослав привел хоть какой-нибудь «полон» из Хазарии. Да и Малуша была не пленницей, а обычной рабыней.

Кроме того, совершенно игнорируется тот факт, что у Малуши был старший брат, Добрыня, выбившийся из рабов в княжеские дружинники и даже не подозревавший о том, что есть такая штука, как иудаизм, ибо был обычным славянином-язычником. Но поскольку это неинтересно и буднично, то Добрыню просто вынесли за скобки жизни его племянника и истории вообще.

Малуша родила сына, которого княгиня Ольга, мечтавшая о внуках, тут же взяла под свою опеку вместе с его матерью. Точная дата неизвестна, но большинство историков сходятся на 960-м году. Как было принято в те времена, к младенцу – пусть и незаконному, но княжескому сыну, приставили «дядьку» – его же родного дядю, Добрыню. А поскольку именно в это время Ольга сосватала Святославу угрскую княжну, христианку Марию, то пожаловала матери своего первого внука село под Псковом «для кормления», куда и отправились Малуша с новорожденным Владимиром и братом Добрыней.

Дальнейшая судьба Малуши никого не интересовала, потому и сведений о ней нет. Зато летописи сообщают, что малолетний Владимир с дядькой вернулся в Киев, под опеку княгини Ольги, и воспитывался там вместе со своими сводными братьями, сыновьями Святослава от угрской княжны Ярополком и Олегом. При этом двое законных княжичей были кре-

щены втайне от отца матерью и бабкой, принявшей к тому времени христианство, а Владимир до поры до времени так и оставался язычником.

Ольга умерла, еще раньше скончалась ее невестка, а Святослав все время проводил в походах. Посему заблаговременно разделил свои владения между сыновьями: Ярополку достался княжеский стол в Киеве, Олегу – древлянское княжество. Владимиру при таком раскладе на Руси было, в общем-то, нечего делать и скорее всего он отправился бы завоевывать себе состояние и положение в иных странах, но...

Но как раз в это время к Святополку явилась делегация из Новгорода, где, в очередной раз устав от боярских склок, захотели иметь князя. Они требовали либо Ярослава, либо Олега, но те благоразумно отказались. Узнав о том, новгородцы пригрозили:

– Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя!

Перспектива иметь под боком какого-нибудь варяжского конунга Святославу не понравилась, но как решить проблему, он не знал. И тут на помощь ему пришел Добрыня, который посоветовал новгородцам просить себе в князья Владимира. Этот вариант устроил всех: в 969 году Владимир вместе с Добрыней отправился в Новгород, а Святослав отплыл в Переяславец на Дунай. Из этого похода он уже не вернулся, так как в 972 году погиб у днепровских порогов.

Несмотря на то, что сыновьям Святослава достались собственные богатые уделы, согласия между ними не было. Не прошло и нескольких лет, как взаимные претензии между Ярополком и Олегом переросли в открытую вражду, а потом дело дошло и до братоубийственной войны – в прямом смысле этого слова. Во время одного из сражений Олег погиб, причем обстоятельства его гибели так и остались весьма смутными и противоречивыми, а древлянские земли вновь перешли под руку киевского князя, то есть Ярополка.

Произошло это в 970 году. Владимир, никогда не отличавшийся большой личной храбростью, предпочел скрыться из Новгорода за морем у варягов. Там, собрав достаточно сильную дружину, вернулся и послал выборных новгородских людей объявить киевскому князю и сводному брату:

Владимир идет на тебя, готовься с ним биться.

Пока все происходило почти благопристойно, но дальше события стали развиваться так, что светлый образ князя Владимира изрядно потускнел. Дойдя до Киева с большим – наемным! – войском, Владимир осадил город, в котором Ярополк заперся со своей дружиной и доверенным воеводой Блудом.

Осада затянулась, а Владимиру нужно было платить своим дружинникам за каждый день, воевали они, или просто глазели на неприступные киевские стены. Поэтому молодой князь почел за лучшее вступить в тайный стовор с воеводой своего брата. А уговаривать Владимир умел, явно унаследовав дипломатические таланты от своей бабки, княгини Ольги.

– Будь мне другом, – предложил он Блуду. – Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца, и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него.

Блуд, получивший помимо заверений в вечной дружбе еще и приличную денежную мзду, ответил на предложение согласием. После чего Владимир предоставил действовать ему самостоятельно, благоразумно оставаясь в стороне.

Первоначально Блуд хотел просто убить Ярополка, гл это было слишком опасно: киевляне любили своего князя. Тогда хитроумный воевода стал убеждать Ярополка в том, что в городе зреет заговор в пользу Владимира, и посему необходимо из Киева бежать и, собравшись с новыми силами, ударить на новгородского князя извне, чего он, конечно, не ожидает.

Ярополк, пошедший в своего отца Святослава не только жестокостью, но и простодушием, попался в приготовленную Блудом ловушку и «тайно», как он сам думал, вышел с дружиной из Киева и затворился в городке Родне.

Крайне довольный таким поворотом событий, Владимир без боя вошел в оставленный Киев, расплатился со своей дружиной и двинулся с нею дальше – к убежищу брата. Городок Родн, в отличие от Киева, был к осаде абсолютно не готов и вскоре его жители начали умирать от голода. Тогда воевода Блуд перешел к завершающей стадии своего плана и сказал Ярополку:

– Видишь, сколько воинов у брата твоего. Нам не победить их. Заключай мир с братом твоим.

Поскольку Ярополк и сам видел, что ситуация складывается не в его пользу, долго уговаривать его не пришлось. Воевода же послал к Владимиру гонца с известием:

«Сбылась мысль твоя, приведу к тебе Ярополка, приготовься убить его».

Разумеется, Владимир убил приехавшего на мирные переговоры не собственными руками: Ярополка зарубили его ближние дружинники, подкупленные все тем же Блудом. С этого времени Владимир стал княжить в Киеве единолично, а воевода Блуд в скором времени скончался от неведомой болезни. Впрочем, его судьба и тогда мало кого интересовала, и позже не вызвала особого интереса.

В ту пору – в 980 году – Владимиру было чуть больше двадцати лет. Но еще до своего воцарения на киевском столе он совершил поступок, вошедший не только в историю, но и в многочисленные легенды, романы и даже живописи. Имеется в виду прекрасная Рогнеда, дочь независимого полоцкого князя варяга Рогволта.

Добрыня, тогда еще находившийся в силе, стал сватать Владимиру Рогнеду. Ответ красавицы-княжны известен:

– Не хочу разуть робичича. За Ярополка хочу.

Хочу напомнить, что по обычаю того времени молодая супруга должна была перед первой брачной ночью снять обувь со своего мужа, демонстрируя тем самым свою покорность ему. Стаскивать сапоги с князя Ярополка, законного княжеского сына, Рогнеда была готова, но ползать на коленях перед сыном рабыни...

Знай она, чем обернется ее отказ, наверняка согласилась бы разувать Владимира всю оставшуюся жизнь. Смертельно оскорбленный, юный Владимир при поддержке Добрыни собрал воинов, пошел на Полоцк, взял город приступом, а князя с княгиней и дерзкой дочерью привели в шатер к Владимиру.

Дальше все было очень неромантично. Владимир приказал привязать князя и княгиню к столбу и на глазах у них изнасиловал Рогнеду прямо на земляном полу, предварительно объявив ее рабыней. После чего на ее глазах по его приказу были убиты родители, а сама Рогнеда стала... одной из жен Владимира, причем нельзя сказать, чтобы любимой. Хотя и родила ему старшего сына Изяслава.

Да, я не оговорила: одной из жен. Язычник Владимир имел самый настоящий гарем, в то время, правда, не слишком многочисленный. Зато, утвердившись у власти в Киеве, Владимир поставил на холме за теремным двором кумиров языческих богов, в том числе деревянного Перуна с серебряной головой и золотым усом. Идолам на холме киевляне приносили человеческие жертвы.

Добрыня остался княжить в Новгороде, а Владимир несколько лет провел в самом неприглядном распутстве. У него было несколько жен, в том числе, и вдова его брата Ярополка, некая гречанка, бывшая прежде монахиней. Она родила Владимиру сына Святополка, но существует стойкая гипотеза о том, что этот ребенок (получивший впоследствии красноречивое прозвище «Окаянный») был сыном Ярополка.

Кроме Рогнеды и гречанки Владимир имел еще трех законных жен и 800 наложниц: 300 было у него в Вышгороде, 300 – в Белгороде и 200 – в селе Берестове. Так что времени собственно на княжение у Владимира оставалось не так уж и много. Да и вообще впору пойти по пути академика Фоменко и объявить, что Владимира на самом деле звали Соломоном.

Впрочем, возможно, что летописцы сознательно рисовали Владимира-язычника только черными красками, чтобы ярче показать чудотворное воздействие на него христианской веры. Не исключено, что Владимир был не бОльшим грешником, чем все остальные князья его времени, а количество его наложниц завышено в разы: для пущей убедительности. Ибо 800 наложниц не нужны даже османскому султану.

Тем более что, говоря словами *Н. М. Карамзина*, он «изъявил отменное усердие к богам языческим. Отвоевав в 981 *Червенские города* (Перемышль и др.), ранее захваченные Польшей, совершив успешные походы против *вятичей* (981—982), *ятвягов* (983), *радимичей* (984) и камских болгар (985), князь возжелал воздать почести благосклонным „богам“, покровительствовавшим его дружине в деле объединения страны».

«И постави кумиры на холме вне двора теремного, – говорит летописец, – и приносил им жертвы. И привождали люди сынов своих и дщерей и служили бесам и оскверняли землю требами своими».

Однажды жребий быть принесенным в жертву идолам пал на юного Иоанна, сына православного варяга Феодора. Отец отказался выдать его язычникам, сказав:

– Если ваши боги всемогущи, пусть сами придут и попробуют взять сына у меня! У вас не боги, а дерево: нынче есть, а завтра сгниют; не едят, не пьют, не говорят... не дам сына своего бесам!

Разъяренная толпа растерзала и отца, и сына в их собственном доме. Эти люди стали первыми и последними мучениками христианства в языческом Киеве. Церковь наша чтит их под святыми именами Феодора и Иоанна, а сам князь Владимир после своего обращения в христианство воздвиг на месте их гибели первую из созданных им церквей – во имя Успения Пресвятой Богородицы (она получила название *Десятинной*, так как благочестивый князь давал на ее содержание десятую часть своих доходов).

Впрочем, фанатичным язычником Владимир оставался не так уж и долго. Собрав «под свою руку» немалые земли, двадцатипятилетний князь задумался о единой религии для всех своих подданных. И потянулись на Русь посольства от разных народов, призывавшие Русь обратиться в их веру.

Сперва пришли волжские болгары мусульманской веры и хвалили своего Магомета; потом иноземцы из Рима от папы проповедовали католическую веру, а хазарские евреи – иудейство. Последним прибыл проповедник, присланный из Византии. Он стал рассказывать Владимиру о православии, и слушал его Владимир со всем вниманием. Но и только... пока.

В 987 году князь созвал бояр своих и старцев градских и сказал им:

– Приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. Затем пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и много говорили, рассказывая о начале мира и о бытии всего. Мудрено говорят они, и чудесно слушать их. Рассказывали они и о другом свете. Если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова воскреснет и не умереть ему во веки, если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы мне посоветуете? Как им ответить?

Бояре и старцы отвечали:

– Знай, князь, что своего никто не бранит, но всегда хвалит. Если хочешь обо всем разузнать, то пошли от себя мужей посмотреть, кто и как служит Богу.

Владимир последовал этому, прямо скажем, мудрому совету. Десять избранных мужей отправились из Киева знакомиться с религией и обрядами иных народов. Когда же они вернулись, князь Владимир вновь созвал бояр своих и старцев и сказал им и предложил выслушать послов. Те сказали:

– Ходили мы к болгарам, смотрели, как они молятся в мечети. Стоят они там без пояса; сделав поклон, сидят и глядят туда и сюда, как бешеные. И нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную

службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой. И не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького: так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве.

Оставим на совести летописца (безусловно, уже православного, причем не в первом колене) восхваление «закона греческого». Решающим для Владимира было другое: пример его бабки, княгини Ольги, которая приняла христианство именно в Царьграде. Разумеется, он не собирался туда сам и уж тем более не мог отправить в Византию всех своих подданных-язычников, дабы те узрели свет истиной веры. Посему решение вопроса о массовом крещении, равно как и об обращении в православие самого князя Владимира, было временно отложено и не только из-за колебаний самого князя и его ближайшего окружения.

В 987 года в Малой Азии вспыхнуло восстание, размах которого сильно напугал византийского императора Василия II. Он обратился за помощью к князю Владимиру, и тот согласился при условии, что император отдаст ему в жены свою сестру Анну. По-видимому, первоначальное согласие было получено: летом 988 года, как об этом однозначно свидетельствуют греческие и арабские источники, отряд русских воинов прибыл в Византию и оказал императору большую помощь в сражениях под Хрисополем и Авидосом. Но... невеста так и не приехала.

Обманутый и оскорбленный Владимир предпринял поход против самих византийцев. Он осадил город Корсунь (нынешний Херсонес), который, возможно, и устоял бы, если бы не предательство одного из его жителей. Тот пустил в лагерь Владимира стрелу с письмом, в котором говорилось:

«Перекопайте и переймите воду, она идет по трубам из колодцев, которые за лагерем вашим с востока».

Владимир тотчас же велел последовать этому совету. Люди в осажденном городе изнемогли от жажды и сдались. Владимир же послал грамоту византийским кесарям Василию и Константину:

«Вот, взял уже ваш город славный. Снова прошу в жены вашу сестру девицу. Если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу».

Вторично обманывать Владимира византийцы не решились и прислали письмо следующего содержания:

«Не пристало христианам выдавать жен за язычников: если крестишься, то и ее получишь, и Царство небесное воспримешь, и с нами единовыверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя».

Владимира это вполне устраивало: отойти от язычества он и без того собирался, а мир с Византией был важнее и нужнее новых разорительных военных походов. Посему ответ его был скор, мудр и даже смиренен:

«Я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи».

Оставалось... уговорить невесту, мнения которого до того момента спросить никто не удосужился. И тут возникло неожиданное препятствие: порфирородная царевна Анна, оказывается, предпочитала смерть или постриг в монастыре браку с безбожным варваром. Пришлось обращаться за помощью к священникам, которые предъявили царевне очень убедительный довод:

«Может быть, обратит тобой Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавит от ужасов войны. Видишь, сколько зла надела грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают у нас то же, что в Корсунь».

Стать орудием Господа в деле просвещения еретиков и язычников царевна вынуждена была согласиться, хотя и плакала, по свидетельству очевидцев, «долго, горько и отчаянно». С плачем села на корабль и в сопровождении пышной свиты прибыла в Корсунь, где, едва ступив на берег, осведомилась:

– Крестился ли Владимир?

Увы, нетерпеливо ожидавший невесту Владимир не только еще не крестился, но внезапно заболел глазной болезнью, завершившейся полной слепотой. Анна посоветовала немедленно окреститься.

– Если хочешь избавиться от болезни, то крестись поскорей, а если не крестишься, то не избавишься от недуга своего

– Если вправду исполниться это, – ответил якобы Владимир, – то поистине велик Бог христианский.

В момент совершения Таинства в купели, если верить летописцам, князь чудесным образом прозрел, причем не только очами, но и душой.

«Епископ корсунский с царицыными попами, огласив, крестили Владимира. И когда возложили руку на него, тотчас прозрел Владимир и, ощутив свое внезапное исцеление, прославил Бога. Многие из дружинников, увидев это чудо, тоже крестились. Случилось это в церкви св. Василия, что стояла посреди Корсуни».

Через несколько дней после этого в той же церкви Владимир обвенчался с Анной и княжеская чета в сопровождении дружины отправилась в Киев. Киевляне радостно приветствовали своего князя и его новую супругу, не подозревая о том, что их ждет в ближайшем будущем.

История крещения Руси описана в «Повести временных лет» таким образом:

«...Владимир взял царевну и священников корсунских с мощами св. Климента. Взял он также церковные сосуды и иконы и со всем этим отправился в Киев... Возвратившись в столицу, Владимир повелел опрокинуть идолов, – одних порубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы к Днепру. Затем послал Владимир по всему городу с такими словами: „Если не придет кто завтра на реку, будь то богатый или бедный, или нищий, или раб, то будет мне враг!“ Услышав это, пришли люди к Днепру без числа. Одни стояли в воде до шеи, другие по грудь, некоторые держали младенцев. Когда крещены были все и разошлись по домам, приказал Владимир ставить церкви, определять в них попов и приводить людей на крещение по всей стране своей. Затем Владимир послал собрать у лучших людей детей и отдать их в книжное обучение. Матери, провожая их, плакали по ним, как по мертвым, ибо не утвердилась еще новая вера».

Небольшое отступление. В последнее время (благодаря, разумеется, Интернету, больше нигде подобного не найти) активно распространяется версия о том, что на территории Киевской Руси до крещения проживало двенадцать миллионов человек. И три миллиона после. Якобы «Владимир Кровавый», незаконнорожденный сын князя Светослава от Малки, иудейки, вырезал с помощью своей дружины ВСЕ взрослое население Руси. К концу десятого века это была уже страна-полупустыня с вымершими селениями. Версию эту, больше похожую на горячечный бред, распространяют приверженцы некоего культа Ра, внуки и правнуки... богов.

Цитирую:

«Самый простой крестьянин считал себя правнуком богов. Легко таким человеком управлять? Легко с него дань взять свыше положенной десятины? Но пришёл Владимир и сказал: Теперь вы будете не внуками и правнуками ваших родных богов, а будете рабами родоплеменного бога маленького палестинского народа, евреев. И не забудьте: на власть не роптать. Всякая власть от бога. От еврейского. А ваши боги теперь ничто».

«Слова Мудрости Волхва Велимудра».

После этой забавной репризы перейдем к дальнейшему изложению событий, основываясь все-таки на более серьезных источниках.

После крещения киевлян великий князь приступил к искоренению язычества на Руси и принялся ревностно истреблять языческих идолов. На их местах устанавливались христианские храмы, богослужение в которых шло по книгам, переведенным с греческого на славянский святыми братьями Кириллом и Мефодием. Вероятно ими же была переведена на славянский язык и наша Библия. Сначала готовые церковные книги шли на Русь из Болгарии, а потом, когда и между русскими появились грамотные люди, книги стали переводиться и на Руси. Таким образом вместе с христианством пришла на Русь и грамотность.

Владимир стал заботиться о больных и бедных. Он созывал на княжеский двор народ ото всюду; кормил, поил всех пришедших, а для тех, кто не в состоянии был приходить на княжеский двор, приказывал развозить еду по городу. Вообще Владимир возвратился в Киев совсем не таким, каким он покинул город. Он распустил свои гаремы, а Рогнеде, своей первой жене, послал сказать:

– Я теперь христианин и должен иметь одну жену; ты же, если хочешь, выбери себе мужа между боярами.

Замечательный ответ Рогнеды, скорее всего, придуман, ибо никак не согласуется с ее характером и образом жизни:

– Я природная княжна, – якобы велела она передать Владимиру. – Ужели тебе одному дорого Царствие Небесное? И я хочу быть невестой Христовой.

Рогнеда действительно кончила свои дни смиренной монахиней Анастасией, но крестили и постригли ее наверняка принудительно. Как и подавляющее большинство бывших «одалисок» князя Владимира. Все-таки это было более гуманно, чем зашивать ненужных уже наложниц в мешки и топить, как это принято в мусульманских гаремах.

Перестав, наконец, распутничать, Владимир сумел чрезвычайно много сделать для укрепления Русского государства, подчинив своему влиянию целый ряд славянских племен, живших на востоке от великого водного пути «из варяг в греки». Он распространил пределы своей державы от Балтийского моря на севере до реки Буг на юге.

Особенно много хлопот и забот доставляли тогда русским степные варвары-печенеги, став для Отчизны настоящим бедствием. В 993 году Владимир выступил против них. Летописец рассказывает, что когда русское войско встретилось с печенегами на берегах Трубежа, князь печенежский предложил Владимиру решить судьбу битвы поединком своих богатырей.

– Ежели русский убьет печенега, то обязан тогда я три года не воевать с вами; а ежели наш победит, то мы вольны три года опустошать твою землю.

И поединок состоялся. Против страшного великана-печенега вышел малорослый юный русич, который неожиданно крепкими мышцами своими даванул печенега и мертвого ударил о землю.

Возможно, именно так и было, а возможно и нет, ибо слишком уж напоминает библейский сюжет о Давиде и Голиафе. Точно известно только, что воспрянувшая духом княжеская дружина бросилась на войско печенегов, которое едва спаслось бегством. В память об этом событии Владимир заложил на берегах Трубежа город и назвал его Переяславлем, ибо юноша русский «перейал» у врагов славу.

Для ограждения Руси от нападения чужеземцев по указанию Владимира строились оборонительные рубежи с новыми городами и крепостями. А чтобы предупреждать нападения незваных гостей, по окраинам Руси беспрестанно несли службу воины-богатыри. Дружины богатырские своими подвигами во имя Родины оставили в ее памяти неизгладимый след: из поколения в поколения передавались и передаются былинны легенды об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, других чудо-богатырях и... князе Владимире Красном Солнышке.

При Владимире Древнерусское государство вступило в период своего расцвета, но одновременно начался и процесс княжеских междоусобиц, то есть феодальной раздробленности – этап, через который так или иначе проходили все крупные государства. В Киевской Руси перво-причина этого была просто: у Владимира от разных жен было ДВЕНАДЦАТЬ сыновей, и каждому он, по устоявшемуся уже обычаю, должен был выделить собственный удел.

В разных летописях приводятся их имена, но без определения, в каком порядке они следовали по старшинству: в одном месте они поставлены по матерям, в другом они следуют в ином порядке. Так или иначе, от Рогнеды у Владимира точно было два сына: Изяслав, получивший в удел Полоцк, но скончавшийся раньше своего отца, и Ярослав, ставший впоследствии Великим князем киевским и получившим прозвище Мудрый, под которым и вошел в историю. Была еще и дочь Доброгнева, выданная замуж за польского короля Казимира I Обновителя и получившая при крещении имя Мария.

От гречанки, вдовы Ярополка, родился Святополк, который получил Туровскую волость и по смерти Изяслава оставался старшим в роде.

От византийской царевны Анны у Владимира было два сына – Борис и Глеб, получившие, соответственно, Ростовское и Муромское княжение. Но оба были убиты по приказу сводного старшего брата Святополка, который именно за этот поступок получил прозвище «Окаянный», а Борис и Глеб были впоследствии причислены православной церковью к лику святых. Еще один сын Владимира – Святослав – от неизвестной жены-язычницы, также был убит Святополком.

Хотя сыновья в своих уделах при жизни князя Владимира имели лишь права наместников, начало раздробленности Руси было положено практически одновременно с началом ее становления, как государства. Но главное было даже не в этом: вопреки всему Русь не разрушилась и не потонула в пучине междоусобиц. Причиной тому было быстрое распространение единой веры – православия.

Уже при жизни Владимира в Киеве были возведены сотни церквей. На севере: в Новгороде, Ростове, Муроме – язычество держалось дольше и крепче, но и там, после исторически непродолжительного периода двоеверия, Православие безоговорочно восторжествовало...

Необычной была жизнь у первого крестителя Руси. Много изустных сказаний, легенд и выдумок ходило о нем в связи с его необычной государственной, духовной и личной жизнью. Великий князь был известен своим хлебосольством и дружелюбием с соседями. Сам Папа Римский, по преданию, не прочь был принять Русь под свое начало. Дунайская Болгария и Греция охотно торговали с русскими купцами... Все говорило о благополучии страны и силе ее великого князя.

Владимир вёл активную внешнюю политику: за время правления им было заключено множество договоров с правителями разных стран. Это были: король Венгрии Стефан I, король Польши Болеслав I, король Чехии Болеслав II, император Византии Василий II и даже папа римский Сильвестр II. Киевская Русь медленно, но уверенно входила в число признанных европейских государств.

С той же целью – укрепление государственности – Владимир начал чеканку собственной монеты – золотой («златников») и серебряной («сребреников»), воспроизводившей византийские образцы того времени. По этим монетам известен и княжеский знак Владимира – знаменитый трезубец, принятый в XX в. Украиной в качестве государственного герба. И златники, и серебряники служили дополнительным знаком суверенитета христианского государства.

Чтобы русский народ привыкал жить по христианскому закону, Владимир с помощью второго киевского митрополита Леона и супруги своей Анны дал ему два устава: первый – «ЗАКОН О СУДАХ ЦЕРКОВНЫХ», второй – «ЗАКОН СУДНЫЙ ЛЮДЯМ».

По церковному уставу духовенство должно было просвещать русский народ и заботиться о нем. В Законе этом оговорены были и наказания за церковные прегрешения: денежные

взыски (пени) или церковное покаяние. По светскому суду наказания были: денежные взыски, лишение имущества, заточение в тюрьму... Впервые нормы жизни определялись не княжескою волей, то есть произволом, а более или менее четко установленными законами.

Владимир был первым русским князем, прославившийся не военными победами (хотя и таковых было немало), а гражданскими, государственными деяниями. Но конец его жизни был омрачен чередой печальных и трагических событий.

В последние годы жизни Владимир, вероятно, собирался изменить принцип престолонаследия и завещать власть любимому сыну Борису, поскольку двое старших сыновей – Святополк туровский и Ярослав новгородский почти одновременно отказались признавать верховную власть отца в 1014 году. Святополк был схвачен и заключен под стражу, а Владимир готовился к походу против Ярослава, но внезапно заболел и призвал в Киев Бориса.

Вскоре по его прибытии стало известно о вторжении печенегов, и отец послал его с дружиною для отражения их набегов. Пока Борис находился в походе, великий князь Владимир скончался 15 июля 1015 года, горько оплакиваемый народом. Его тело было заключено в мраморную раку и поставлено в центре киевского храма Богородицы рядом с гробницей его супруги Анны.

Борис нигде не встретил печенегов и, возвращаясь обратно, узнал о смерти отца и о занятии великокняжеского стола Святополком. Дружина предложила идти на Киев и овладеть престолом, но Борис не хотел нарушать святости родовых отношений и с негодованием отверг это предложение, вследствие чего дружинники отца покинули его и он остался с одними своими отроками.

Между тем Святополк хотел устранить соперников по обладанию княжеством. Он отправил к брату наемных убийц и те закололи спящего в походном шатре Бориса, а с ним и немногих оставшихся с ним слуг.

«Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на Бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина, замышлявшего братоубийство, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине второго Каина: ведь хотел перебить он всех наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть», – говорится в «Сказании о Борисе и Глебе».

После убийства Бориса Святополк позвал в Киев Глеба, опасаясь, что будучи родным братом убитому Борису, тот захочет отомстить. Ярослав, узнавший о замыслах Святополка, послал гонцов предупредить Глеба и заклинал его не ездить в Киев, однако предупреждение запоздало. Святополк расправился с Глебом так же, как и с Борисом: наемные убийцы настигли его в Смоленске, причем юный князь в момент гибели молился об отце и брате.

Тело Глеба убийцы погребли *«на пусте месте, на брези межи двама колодами»* (то есть в простом гробу, состоящем из двух выдолбленных брёвен). Четыре года спустя, когда Ярослав занял Киев, по его приказу тело Глеба было отыскано, привезено в Вышгород и погребено, вместе с телом Бориса, у церкви Святого Василия.

Первоначально Борис и Глеб стали почитаться как чудотворцы-целители, а затем русские люди и преимущественно княжеский род стали видеть в них своих заступников и молитвенников. В похвале святым, содержащейся в «Сказании о Борисе и Глебе», их называют заступниками Русской земли и небесными помощниками русских князей:

«Воистину вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем».

По рассказу «Повести временных лет», носящему легендарные черты, братоубийца вскоре был наказан параличом и безумием: *«...и расслабилися кости его, не можааше сидети,*

несяхут и на носилех». Святополк Окаянный умер во время бегства от войск Ярослава и место его смерти, равно как и могилы – неизвестно.

А князь Владимир, Красное Солнышко, Креститель Руси, был Канонизирован Русской православной церковью при Иване Грозном. Русская православная церковь причислила князя Владимира к лику Святых, назвав его Равноапостольным за ревность к Вере Христовой.

Вновь о князе Владимире вспомнили к 900-летию Крещения Руси в 1888 году. Указом Святейшего Синода, *«для запечатления навсегда в благоговейной памяти православных чад русской Церкви имени Просветителя русского народа, день памяти св. Владимира определено отнести к праздникам, имеющим в Уставе знак креста в полукруге иже бдение совершается; до того полагалась полиелейная служба»*. Тогда же в Киеве был возведен знаменитый Владимирский Собор.

Русская Церковь поминает Святого Владимира в день его преставления – 15 июля по старому стилю. В тот же день, 28 июля по новому стилю его отмечают католики России и Украины, покровителем которых он считается.

С 2002 года Святой Равноапостольный Великий Князь Владимир считается небесным покровителем внутренних войск МВД России с благословения патриарха Московского и всея Руси Алексия II, который на Архиерейском Соборе РПЦ сказал:

«Сегодня в общецерковном календаре день 15/28 июля, когда мы чтим память равноапостольного князя Владимира, „идолы поправшаго и всю Российскую землю Святым Крещением просветившаго“, даже не выделен красным цветом и рассматривается как „средний“ праздник. А ведь Крещение Руси, совершённое святым князем, духовным вождём нашего народа и героем наших народных былин, стало величайшим событием отечественной истории, без которого не родилось бы в ней всё лучшее и возвышенное, что неразрывно связано с православной верой. Полагаю, что день великого князя Владимира надо и отмечать как великий праздник».

Но пока этого не произошло. «Красным днем церковного календаря» 28 июля не стало. Что ж, зато осталось немало мирских, точнее, земных памятников князю Владимиру.

Он сам основал в 990 году и назвал в честь себя город Владимир, ныне областной центр Российской Федерации.

В десятом веке имя Владимира приобрёл город Владимир-Волынский, ныне в Волынской области Украины.

В 1782 году императрица Екатерина II учредила Императорский орден Святого Равноапостольного Князя Владимира в 4 степенях.

В 1853 году князю Владимиру был поставлен памятник в Киеве, на пустой высокой горе над новым центром города – Крещатиком.

В 1999 году в Белгороде открыт памятник святому равноапостольному князю Владимиру-крестителю Руси.

В 2007 году открыт памятник Владимиру Святому и епископу Суздальскому Феодору во Владимире.

А в 2010 году в городе Коростень был открыт памятник юному князю Владимиру и его матери – безвестной рабыне Малуше.

Так что и история, и человеческая память каждому воздала по заслугам и по справедливости.

Великокняжеская мудрость

Он стал первым русским князем, признанным всеми европейскими государями: Киевская Русь в его правление была вполне европейским государством, статус которого подкреплялся многочисленными брачными союзами княжеских сыновей и дочерей.

Он оставил заветное, в котором предостерегал сыновей от междоусобиц и убеждал жить в тесной любви. Если бы сыновья выполнили отцовскую волю, возможно, Русь избежала бы и татаро-монгольского ига, и нашествия рыцарей Тевтонского ордена, а Петру Первому не пришлось бы «рубить окно в Европу», ибо Россия входила бы в число крупных европейских государств.

Но у истории нет сослагательного наклонения...

Ярослав Владимирович или Ярослав Мудрый (978 – 1054) – сын крестителя Руси князя Владимира Святославовича и полоцкой княжны Рогнеды, отец, дед и дядя многих правителей Европы; в крещении получил имя Георгий (или Юрий).

Впервые упоминание о нем встречается в «Повести временных лет», где он назван третьим сыном из четырех, родившихся у Владимира от Рогнеды. Так что перспективы, как бы теперь сказали, у княжича Ярослава были весьма скромными. Помимо родных братьев, у него было еще семь или восемь сводных – от других жен его отца.

Достигнув более или менее зрелого возраста, Ярослав получил в удел от отца Ростовское княжество, где ничем себя не прославил и вел обычную жизнь удельного князя. Единственным исключением можно считать основание города Ярославля, названного в честь князя, который по легенде секирой убил священную медведицу и приказал срубить на неприступном мысу над Волгой небольшую деревянную крепость, названную по его имени – Ярославль.

Эти события нашли отражение на гербе города. Предполагают, что Ярославль был основан в 1010 году не как город, а как крепость на Стрелке – месте слияния Волги и Которосли – для защиты Ростова. Впервые о Ярославле, как у городе, упоминается в летописях лишь семьдесят лет спустя в связи со вспыхнувшим там восстанием смердов.

После смерти своего старшего брата Вышеслава Ярослав был в 1011 году посажен своим отцом на княжение в Новгороде – в обход тоже старшего, но сводного брата Святополка, который тогда был в немилости у Владимира и даже одно время находился в заключении. Рассудительный и спокойный Ярослав imponировал своему отцу гораздо больше, чем амбициозный и склонный к внезапным припадкам гнева Святополк. Но старый князь жестоко ошибся.

Став князем новгородским, Ярослав решил ликвидировать давнюю зависимость Новгорода от Киева и стать совершенно независимым государем обширной Новгородской области. Главной причиной этого решения было недовольство решением Владимира посадить на киевский престол одного из своих младших сыновей – Бориса, а выразилось во вполне конкретном действии: после трех лет своего княжения Ярослав отказался платить отцу ежегодную дань в 2000 гривен, как делали все новгородские посадники.

Новгородцы, славившиеся своим независимым и бунтарским нравом, да к тому же еще тяготившиеся зависимостью от Южной Руси и налагаемой на них данью, с восторгом поддержали своего князя.

Неизвестно, чем закончился бы бунт сына против отца (разгневанный Владимир готовился лично идти против него и велел уже исправлять дороги и строить мосты), но внезапно великий князь заболел и скончался. Великокняжеским столом завладел старший в роде Святополк, которого освободили из темницы и объявили своим князем взбунтовавшиеся киевляне.

В этом моменте, однако, существует много противоречивых версий. Согласно одной из них, опасаясь любимого киевлянами Бориса и желая сделаться единодержавным правителем

всей Руси, Святополк умертвил трех братьев – Бориса, Глеба и Святослава. Но во многих других источниках упоминается о том, что князь Борис, например, всегда признавал старшинство Святополка и не мыслил о том, чтобы сделаться в обход его великим князем. Про князя Глеба упоминаний меньше, но суть их та же. А уж Святослав вообще, по-видимому, как сказали бы сейчас «попал под раздачу». Судя по всему, его убили «на всякий случай».

Так что до сих пор неясно, кто именно «подсадил» на киевский стол Святополка, которого киевляне, мягко говоря, недолюбливали, по чьему приказу были умерщвлены его братья, и что спасло Ярослава от той же участи: Святополк не скрывал своего намерения расправиться и с этим сводным братом. Правда, не с помощью наемных убийц, а силами своей дружины. Но к этому следует добавить, что женат Святополк был на дочери польского короля Болеслава Храброго, правда недолго – всего три года, и имя принцессы, умерший в возрасте восемнадцати лет, в летописях и хрониках даже не указывается.

Ярослав не стал дожидаться, подобно Борису и Глебу, когда его отправят следом за братьями. Он срочно помирился с новгородцами, которые имели все основания быть недовольными своим князем: женатый на шведской принцессе Ингигерде (в святом крещении – Ирине) он отдавал явное предпочтение наемной варяжской дружине.

Варяги же, никогда не отличавшиеся особой гуманностью нравов, да еще чувствовавшие себя под надежной защитой, возбуждали против себя население жестокостью и насилиями; дело доходило до кровавого возмездия со стороны новгородцев, а Ярослав в таких случаях обыкновенно принимал сторону наемников и однажды казнил многих граждан, заманив их к себе хитростью.

Тем не менее, новгородцы довольно легко согласились помириться с Ярославом, поскольку отказать ему в помощи в войне против Святополка означало бы вынудить своего князя к бегству. Следовательно, опять возобновилась бы зависимость от Киева, нужно было бы принимать нового посадника – а какого, неизвестно. Кроме того, Ярослав мог вернуться из-за моря с варягами и отомстить Новгороду, что, принимая во внимание характер князя, было очень реальной перспективой. В общем, почти по поговорке: «лучшее враг хорошего», какой бы там князь ни был, а к нему уже успели привыкнуть, равно как и к независимости от Киева.

Так что, собрав тысяч сорок новгородцев и несколько тысяч варяжских наемников, которых он нанял раньше для войны с отцом, Ярослав двинулся против Святополка. Тот, помимо поддержки тестя – польского короля – заручился еще помощью печенегов, что в глазах русских, прежде всего, киевлян, было откровенным предательством.

В 1016 году Ярослав разбил войско Святополка близ города Любеча и поздней осенью занял Киев. Он щедро награждал новгородскую дружину, оделив каждого воина десятью гривнами. В летописях сказано:

«... И отпусти их всех домой, – и дав им правду, и устав списав, тако рекши им: по се грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите...»

Увы, на этом братоубийственная война не закончилась. Два года спустя собравшийся с силами Святополк осадил Киев. С помощью войск польского короля ему удалось разбить войска Ярослава и захватить Киев, но тут Болеслав Храбрый совершил ошибку: вместо того, чтобы передать киевский стол Святополку, сам сделал попытку утвердиться в нём. Но киевляне, возмущённые неистовствами его дружины, начали убивать поляков, и Болеслав должен был поспешно оставить Киев, лишив Святополка военной помощи.

А Ярослав, вернувшись в Новгород после поражения, счел за благо не искушать более судьбу и приготовился бежать «за море». Но новгородцы изрубили суда князя, а ему заявили о своей прежней готовности биться за него с Болеславом и Святополком. Более того, новгородцы собрали деньги, заключили новый договор с варягами конунга Эймунда и сами вооружились.

Весной 1019 года это войско во главе с Ярославом осуществило новый поход на Святополка. В битве на реке Альте Святополк был разбит, его знамя захвачено, сам он ранен, но бежал. Конунг Эймунд спросил у Ярослава: «прикажете ли убить его, или нет?», – на что Ярослав витиевато ответил:

«... – Ничего этого я не сделаю: ни настраивать никого не стану к (личному, грудь на грудь) сражению с Князем Святополком, ни порицать кого-либо, если он будет убит».

Святополк бежал в Польшу и по дороге умер, причем место его погребения так и осталось неизвестным, а в историю он вошел под зловещим и красноречивым прозвищем «Окаянный». Хотя его сводный брат, получивший впоследствии прозвище «Мудрый», с одинаковым успехом мог бы тоже называться окаянным, но... победителей, как известно, не судят, а возвеличивают. В том числе и прежде всего – летописцы.

Успевший уже овдоветь, проведя несколько лет в бездетном браке, Ярослав в 1019 году женился на дочери шведского короля Олафа Шётконунга, тоже Ингегерде, и тоже без затей крещеную Ириной. За эту принцессу сватался конунг Норвегии Олаф Харальдсон, но вынужден был удовлетвориться рукой ее младшей сестры – Астрид. По-видимому, шведский король посчитал киевского князя более выгодным и «перспективным» зятем.

В качестве свадебного подарка от Ярослава Ингегерда-Ирина получила город Альдейгаборг (теперь – Ладога) с прилегающими землями, которые и носили с тех пор непонятное большинству потомков название Ингерманландии (земли Ингегерды).

Четыре года спустя Ярославу пришлось выдержать еще одно вторжение «братских войск» на киевские земли. Его сводный брат, тмутараканский князь Мстислав, взяв в союзники воинов из племен хазар и касогов, захватил Чернигов и все левобережье Днепра. После этой победы Мстислав перенёс свою столицу в Чернигов и, направив послов к бежавшему в Новгород Ярославу, предложил разделить с ним земли по Днепру и прекратить войны:

«Садись в своем Киеве, ты – старший брат, а мне пусть будет эта сторона».

Ярослав был вынужден согласиться, впервые проявив то, что впоследствии восславят, как его мудрость. Левобережье сохранялось за Мстиславом, а правобережье за Ярославом, который больше десяти лет после этого, будучи великим князем Киевским, предпочитал находиться в Новгороде, пока в 1036 году не скончался Мстислав.

Но за эти десять лет сводные братья в трогательном единстве завоевывали все новые земли и сохраняли прежние владения: Ярослав помог Мстиславу подавить мятеж в Тмутаракани и восстановить спокойствие в княжестве, а Мстислав, в свою очередь, поддержал Ярослава в походе на племя чудь, когда был заложен город Юрьев (ныне Тарту в Эстонии).

В том же 1030 году против короля Мешко II в Польской земле поднялось восстание, народ убивал епископов, священников и бояр. При активном содействии обоих братьев и их дружин на польский престол был посажен король Безприм, а заодно отобраны города Пермышь и Червен с немалыми территориями вокруг них.

Добычу разделили по-братски: множество пленных поляков расселили по обоим берегам Днепра. Как принято считать, в этой военной кампании участвовал Харальд III Суровый, будущий король Норвегии и зять Ярослава. Грозный викинг влюбился в старшую дочь киевского князя – Елизавету – прозванную «шелковинкой» за тонкий стан. Но Елизавета была еще слишком молода, а Харальд был всего лишь претендентом на норвежский трон, так что сватовство было вежливо отклонено – до лучших времен.

В 1036 году во время охоты скоропостижно и по непонятным причинам умер Мстислав. Реакция Ярослава была молниеносной и вполне логичной: он взял под свою руку земли скончавшегося брата, а последнего и самого младшего сводного брата – псковского князя Судислава – заточил в темницу.

Только после этого Ярослав в 1036 году окончательно перебрался со всем своим двором, дружиной, чадами и домочадцами из Новгорода в Киев. Со дня смерти его отца, Владимира Крестителя, прошло **больше двадцати лет**. Мудрый Ярослав не торопил события.

Сам он больше не воевал: подросли сыновья, которым Ярослав и доверил руководство дружиной и походами. Зато собственноручно в честь победы над печенегами заложил знаменитый собор Святой Софии в Киеве, причем для росписи храма были вызваны художники из Константинополя. Своих достойных мастеров в Киевской Руси тогда еще не было.

Зато уже появился и рос авторитет Киева в Европе. Именно в Киев к Ярославу бежал английский принц Эдуард Изгнанник, к нему же обратился за помощью очередной претендент на польский престол Казимир I, внук Болеслава Храброго. Ярослав помог потомку бывшего врага занять польский трон, причем сестра Ярослава Мария стала польской королевой. Этот брак был заключен параллельно с женитьбой сына Ярослава Изяслава на сестре Казимира – Гертруде, в знак союза с Польшей.

Княжение Ярослава ознаменовалось последним враждебным столкновением Руси с греками. В 1043 году один из русских купцов был убит в ссоре с греческим. Не получив удовлетворения за обиду, Ярослав послал к Византии большой флот, под начальством старшего сына Владимира Новгородского и воеводы Вышаты. В 1046 г. был заключен мир; пленные с обеих сторон возвращены, и дружественные отношения скреплены браком любимого сына Ярослава, Всеволода, с греческой царевной Анной.

В дальнейшем Ярослав все реже прибегал к силе оружия и все чаще – к заключению брачно-политических союзов. Благо дети в его семье рождались едва ли не ежегодно и многие из них, как Всеволод, уже достигли брачного возраста.

Известно, правда, что для поддержания мира на северных границах Ярослав ежегодно отправлял варягам по 300 гривен серебра. Причём плата эта была слишком малой, скорее символической, но она обеспечивала мир с варягами и защиту северных земель. Ярослав первым издал закон о престолонаследии, согласно которому наследование шло не от отца к сыну, а от старшего брата младшему. А братьев было много.

О браке Всеволода уже упоминалось. Владимир, князь новгородский был женат на дочери графа Штаденского Леопольда – Оде. Изяслав взял в жены, как уже говорилось, сестру польского короля Гертруду. Святослав, князь черниговский был женат на греческой принцессе Цецилии, дальней родственнице константинопольского императора, Игорь взял в супруги германскую принцессу Кунигунду, и только Вячеслав, скончавшийся в возрасте двадцати двух лет, не успел обзавестись семьей.

Дочери заключили еще более блестящие браки, все три стали королевами: Елизавета вышла замуж за короля норвежского, а после его смерти – за короля датского, Анастасия стала женой короля Венгрии Андраша I, а младшая Анна вышла замуж за короля Франции Генриха I, оставив о себе прочную память не только в документах, но и в скульптурных изображениях, как Анна Русская.

В германских хрониках существуют еще туманные намеки на какую-то «Агату Русскую», якобы младшую дочь Ярослава, которая вышла замуж за английского короля по имени Гаральд. Но это, скорее всего, ошибка автора-составителя хроники, перепутавшего Анну русскую и жившую много позже английскую принцессу Гиту, дочь короля Гаральда, которая вышла замуж за русского князя.

При Ярославе Мудром Киев часто сравнивали по красоте с Константинополем. Один западный хронист считал уже в это время Киев чрезвычайно большим и крепким городом, в котором около 400 церквей и 8 рынков. Другой западный хронист называл Киев соперником Константинополя, «блестящим украшением». При нем же был заложен каменный Софийский собор в Новгороде, вместо сгоревшего деревянного.

Княжение Ярослава важно прежде всего как эпоха высшего процветания Киевской Руси, после которого она быстро стала клониться к упадку, а значение самого Ярослава в русской истории основывается главным образом не на удачных войнах, а на династических связях с Западом и – главное! – на его трудах по внутреннему устройству земли русской.

Ярослав много содействовал распространению христианства на Руси, развитию необходимого для этой цели просвещения и подготовке священнослужителей из русских. Он построил в Киеве монастырь святого Георгия и монастырь святой Ирины (в честь ангела своей супруги). Ярослав не щадил средств на церковное благолепие, но также украсил Киев многими постройками, обвел его новыми каменными стенами, устроив в них знаменитые Золотые ворота (в подражание таким же цареградским), а над ним – церковь в честь Благовещения.

Недаром его дочь Анна, ставшая королевой Франции, с тоской вспоминала о крае оставленного ею родного города, сравнения с которым Париж тех времен категорически не выдерживал. Лишь с византийским великолепием можно было сравнить столицу Руси во времена Ярослава Мудрого.

Ярослав прилагал немало усилий и для внутреннего благоустройства православной церкви и успешного развития христианской веры. Когда в конце его княжения надо было поставить нового митрополита, Ярослав велел собору русских епископов поставить митрополитом **русского** священника Иллариона, желая устранить зависимость русской духовной иерархии от Византии. Помимо этого Ярослав велел переводить книги рукописные с греческого на славянский, причем сам покупал оригиналы и почти все читал, будучи одним из образованнейших людей своего времени. Переводы же были помещены в библиотеку построенного им Софийского собора для общего пользования.

Для распространения грамоты Ярослав велел духовенству обучать детей, а в Новгороде, по позднейшим летописным данным, устроил училище на 300 мальчиков. При Ярославе приехали в Русь из Византии церковные певцы, научившие русских осьмогласному (демественному) пению.

Наиболее известным остался Ярослав в памяти потомков как законодатель: ему приписывается древнейший русский памятник права – «Устав», или «Суд Ярославль», более известный, однако, под названием «Русская Правда». Многие историки, впрочем, считают, что «Русская правда» – это сборник законов и обычаев, составление которого Ярослав лишь начал, и который продолжал пополняться и расширяться на протяжении всего XII века.

Кроме «Русской Правды», при Ярославе появился церковный устав, или Кормчая книга – перевод византийского «Номоканона», многие пункты из которого действительны и по сей день.

Своей законодательной деятельностью, заботами о распространении христианства, о церковном благолепии и просвещении Ярослав так возвысился в глазах древнерусских людей, что получил прозвание Мудрого.

Немалую роль в деятельности Ярослава играли и заботы о внутреннем благоустройстве земли, ее спокойствии и безопасности: он был князем-«нарядником» земли. Подобно своему отцу, он заселял степные пространства, строил города (Юрьев – Дерпт, Ярославль), продолжал политику предшественников по охране границ и торговых путей от кочевников и по защите интересов русской торговли в Византии. Ярослав огородил острожками южную границу Руси со степью и в 1032 г. начал ставить здесь города.

Время Ярослава было эпохой таких деятельных сношений с государствами Запада, каких в будущем уже не было. Он правил 37 лет, из них в Киеве – только 17, но за это время сумел сделать колоссально много. При нём, в частности, появились монеты с надписью «*Ярославле серебро*». На одной её стороне был изображен Иисус Христос, на другой – Георгий Победоносец, святой покровитель Ярослава.

При Ярославе возникли первые русские монастыри. Помимо уже упоминавшихся киевских, он основал монастыри Святого Георгия (Юрьев монастырь) в Новгороде и Киево-Печерский монастырь, превратившийся впоследствии в лавру. Ему же православные обязаны и появлением в церковном календаре дня святого Георгия (26 ноября), так называемого «Юрьева Дня», позже снискавшего себе печальную известность в связи с крепостным правом.

Умер Ярослав Мудрый 20 февраля 1054 года на руках сына Всеволода, пережив на четыре года свою жену и на два года старшего сына Владимира, и оставив Киевскую Русь на пике ее расцвета. А историков – в абсолютном недоумении, которое до сих пор так и сохраняется. Загадочность фигуры Ярослава практически не имеет аналогов в русской истории. О нем не написано **ни одного** серьезного исследования.

Даже после смерти Ярослав продолжал загадывать загадки. Его саркофаг в Софийском соборе Киева, где князя официально погребли, до настоящего времени вскрывался три раза: в 1936, в 1939 и в 1964 годах и проводили, мягко говоря, не вполне квалифицированные исследования. Например, в отчете 1964 года, выдержки из которого печатались в «Вестнике» АН СССР, сообщается, что рост князя был 172—175 см. и что он был хромым: по одной из версий – от рождения, по другой – в результате ранения в битве. Правая нога князя Ярослава была более длинной, чем левая, из-за повреждения тазобедренного и коленного суставов.

В саркофаге были также обнаружены и женские останки, о чем писал академик Михаил Герасимов еще в 1939 году. Известный скульптор и антрополог осуществил реконструкцию лица Ярослава по его черепу. На основе этой реконструкции создан скульптурный образ Ярослава в памятнике «Тысячелетие России» в 1862 году в Новгороде. Памятники Ярославу Мудрому также установлены в Белой Церкви, Киеве, Харькове и Ярославле.

Значит, останки князя в конце тридцатых годов в саркофаге были! Мистификациями академик Герасимов никогда не занимался. Он мог только (теоретически) использовать при реконструкции древнейший из портретов киевского князя, который был выполнен при жизни Ярослава на известной фреске в соборе святой Софии. Но, к сожалению, часть фрески с портретами Ярослава и его жены Ингегерды после войны была утрачена. Сохранилась лишь копия, сделанная в 1651 году с ещё целой фрески придворным живописцем литовского гетмана А. Радзивила, которая находится сейчас в частной коллекции.

В 2009 году саркофаг был вскрыт в четвертый раз, и останки снова отправили на экспертизу. При вскрытии были обнаружены советские газеты «Известия» и «Правда», датированные 1964 годом – это удалось установить со стопроцентной вероятностью. А вот результаты генетической экспертизы, опубликованные в марте 2011 года, гораздо менее точны: в гробнице оказались не мужские, а только женские останки, причем составленные из двух скелетов, датирующиеся совершенно разным временем: один скелет одного времени с Киевской Русью, а второй на 1000 лет древнее, то есть времён скифских поселений.

Женские останки киевского времени, по утверждению ученых-антропологов, принадлежат женщине, при жизни много занимавшейся тяжелым физическим трудом, – явно не княжеского рода. Вот тут кончаются антропология и археология и начинается настоящий детектив с мистико-религиозным уклоном.

Достоверно известно, что при отступлении из Киева осенью 1943 года вместе с немецкими оккупантами представители На след праха Ярослава Мудрого может указать захороненная вместе с ним икона Николы Мокрого, которая была вывезена из Софийского собора представителями Украинской Греко-Католической Церкви. Икона была обнаружена в Свято-Троицком храме, но... в Бруклине, то есть совсем на другом континенте, в Америке, в 1973 году. По мнению некоторых историков, останки великого князя Ярослава также следует искать в США, ибо Свято-Троицкий собор в Бруклине в настоящее время находится в распоряжении Украинской православной церкви в США и под юрисдикцией Константинопольского патриархата.

Воистину, нет пророка в своем отечестве! Ярослав Мудрый формально не входил в число святых Русской православной церкви: только в 2005 году по благословению патриарха Алексия II в церковный месяцеслов был внесен день поминаения благоверного князя Ярослава Мудрого – 5 марта. Хотя Ярослав почитался христианами сразу после смерти и впервые как Святой упоминается в... «Деяниях первосвященников Гамбургской церкви», датируемых 1075 годом.

Поскольку Ярослав был женат на дочери шведского короля и устраивал династические браки своих дочерей исключительно с королями, он сам и его имя неоднократно упоминаются в скандинавских сагах, где он фигурирует под именем «Ярислейва Конунга Хольмгарда», то есть «Ярослава князя Новгородского». Правда, если не затруднять себя переводом и изучением других источников, как это сейчас модно, то вполне реально в один прекрасный день прочитать, что Ярослав на самом деле был варяжским вождем, пришедшим на дику Русь, и установивший там, наконец, европейский порядок. Никто не будет затруднять себя размышлениями о том, что дикими-то были как раз все еще языческие скандинавские страны...

Тем более, что прецеденты имеются. Еще в середине позапрошлого века профессор Санкт-Петербургского университета Сенковский, переводя на русский язык «Сагу об Эймунде», обнаружил, что варяг Эймунд вместе с дружиной был нанят Ярославом Мудрым. В саге рассказывается как конунг Ярислейф (Ярослав) сражался с конунгом Бурислейфом (Борисом), причём в саге Бурислейфа лишают жизни варяги по распоряжению Ярислейфа.

Затем некоторые исследователи на основании все той же саги поддержали гипотезу, что смерть Бориса – «дело рук» варягов, присланных Ярославом Мудрым в, учитывая то что по летописям Ярослав, и Брячислав, и Мстислав отказались признать Святополка законным князем в Киеве. В то же время, известно, что после смерти князя Владимира лишь два брата – Борис и Глеб заявили о своей верности новому киевскому князю и обязались «читать его как отца своего» и для Святополка весьма странным было бы убивать своих союзников. До настоящего времени эта гипотеза имеет как своих сторонников, так и противников, но, увы, не имеет серьезных исследователей.

Древнерусские же летописцы в «Повести временных лет» объявляют Ярослава мудрым потому, что он... построил храмы Святой Софии в Киеве и Новгороде, то есть посвятил главные храмы городов Софии – премудрости божьей, которой посвящён главный храм Константинополя. И тем самым заявил, что русская церковь стоит наравне с церковью византийской. Действительно, колоссальное достижение!

Хорошо еще, что вошла в историю работа князя «Русская правда», ставшая первым известным сводом законов на Руси. Что династические браки его самого и его детей позволили Киевской Руси стать на один уровень с другими государствами Европы. Что хотя бы зарубежные исследователи признают Ярослава Владимировича «первым европейским правителем Руси».

Увы, и последним тоже – на долгое время. Умирая, Ярослав разделил землю русскую между сыновьями и оставил завещание, в котором предостерегал сыновей от междоусобиц и убеждал жить в тесной любви...

Но это желание мудрого князя так и осталось мечтой.

Русская императрица Священной Римской империи

Несмотря на обилие документов – в основном, германских хроник конца десятого – начала одиннадцатого веков, в судьбе этой женщины достаточно трудно разобраться. Кто она была – невольная соучастница преступлений своего нелюбимого супруга-императора или просто жертва его воистину дьявольских деяний? Могла ли она оградить себя от посягательств врагов с помощью «восточного чародейства» или то выдумки скучающих монахов-летописцев? Один супруг у нее был или все-таки два?

Достоверно известно только одно: внучка Ярослава Мудрого, дочь князя Всеволода и сестра князя Владимира Мономаха была отправлена в Германию, едва достигнув четырнадцатилетнего возраста, и вернулась в родной Киев почти тридцать лет спустя, чтобы принять постриг и умереть.

Евпраксия Всеволодовна, Адельгейда, Агнесса, Пракседа, безвестная монахиня – это все одна и та же женщина с трагической судьбой и очерненной потомками памятью.

Ее отец, князь Всеволод, славился не только умом, но и красотой: огромные серые глаза и густые золотистые волосы Евпраксия унаследовала от него. От матери к ней перешли спокойная мудрость и гордость, проявлявшиеся чуть ли не с младенчества. Возможно, гордость была вообще семейной чертой: первым браком князь Всеволод был женат на византийской царевне Марии, дочери императора Константина Мономаха. Она родила мужу сына Владимира (будущего Мономаха) и дочь Янку. А от второй супруги, Анны (по одним сведениям – половецкой княжны, по другим – освобожденной князем из плена русской боярышни), у князя был сын Ростислав и дочь Евапраксия.

Евпраксия росла в Киеве, при великокняжеском дворе, где получала, как это было тогда принято на Руси, довольно основательное образование. Княжон учили так же, как и княжичей: не только грамоте, но и математике, азам философии, «врачебной хитрости», календарной астрономии, «гиштории», «глаголению инемными языками». Об этом свидетельствует, например, изображение дочери киевского великого князя Святослава с пергаментным списком в руках на одной из миниатюр в «Изборнике Святослава» 1073 года.

А помимо обязательных предметов, Евпраксия, как утверждают русские летописцы того времени, *«переняла от матушки знатное искусство боя без оружья»*. Что это было за искусство, остается только догадываться, но известно, что сама княгиня научилась ему от иранской рабыни еще в половецком плену.

Красивой и рослой девочке исполнилось двенадцать лет, когда в 1083 из Германии на Русь пришло свадебное посольство от саксонского дома фон Штаденов. Свахой была овдовевшая княгиня Ода, супруга одного из умерших братьев князя Всеволода. В Германии у княгини была большая родня, вот и постаралась она сосватать одному из своих племянников богатую невесту княжеских кровей. А чтобы сватовство не сорвалось, послала на Русь самого племянника – маркграфа Генриха фон Штадена из Саксонии, обладавшего, как единодушно пишут летописцы, «ангельским ликом и чрезмерно высоким ростом». Предполагаемый жених был старше Евпраксии на четыре года и не мог похвалиться богатырским здоровьем; тетушка Ода надеялась, что сильная русская кровь позволит воспрять древнему германскому роду.

Уже давно так повелось на Руси, что княжеские дети женились на иноземках и замуж выдавались за знатных отпрысков из других стран. Династические интересы, конечно, но к тому же и забота о том, чтобы не выродились княжеские роды на Руси, как это постепенно происходило в Европе, где папа римский даже вынужден был запретить браки между родственниками до седьмого колена. И все равно сплошь и рядом женились на близких родственниках, отчего потомство появлялось не самое здоровое.

А мир крещеный велик: невест и женихов российские князья искали и в Византии, и в Венгрии, и в Германии, и в Польше, и в Норвегии и даже во Франции. Старший брат Евпраксии, сын гречанки Марии, женился на саксонской принцессе Гите, сестра самого князя Всеволода, Елизавета, была сперва норвежской королевой, а овдовев, вышла замуж за короля Дании. Младшая сестра, Анна, стала королевой французской. Евпраксии же выпал жребий идти под венец с маркграфом саксонским, ибо старшая ее сестра уже была просватана за сына византийского императора.

Однако неожиданно воспротивилось киевское духовенство. За тридцать лет до сватовства саксонского маркграфа к дочери киевского князя произошло окончательное разделение православия и католицизма, и священники постепенно стали настраивать своих князей против «иноверцев». Но князя Всеволода было невозможно заставить отказаться от принятого решения.

Тем более, что личная жизнь старшей дочери Янки (Анны) сложилась неудачно: брак с византийским царевичем не состоялся, так как жениха насильно постригли в монахи. Княжна осталась на Руси, постриглась в монахини и основала в Киеве женский Андреевский монастырь, настоятельницей которого и стала. При монастыре Анна Всеволодовна основала первую известную в истории Руси школу для девочек. В одной из летописей говорилось о том, что Анна, *«собравши молодых девиц, неколико обучала писанию, тако ж ремеслам, пению, шивению и иным полезным им занятиям. Да от юности навикнут разумети закон божий и трудолюбие, а любострастие в юности воздержанием умертвят»*.

Тягу к «просветительской» деятельности Анна явно унаследовала от отца, который, «дома сидя, изуменяше пять язык» Да и традиции женского образования в Византии, откуда родом была ее мать, благотворно влияли на общий уровень культуры и распространение грамотности среди женщин княжеского дома.

А Евпраксия оказалась очень богатой невестой: к ее приданому присоединилось приданое старшей сводной сестры. В 1083 году сероглазая девочка с огромным приданым, пышным посольством и верблюдами, «нагруженными роскошными одеждами, драгоценностями и вообще несметным богатством», была отправлена в Саксонию, в дом жениха, где, по обычаю того времени, она должна была находиться до брака, усваивать немецкий язык, привыкать к новому быту.

Но по дороге случилось неожиданное: поезд русской княжны, остановившийся на ночлег в одном из германских городов, попался на глаза императору Генриху IV, известного своей алчностью. Немудрено: пятнадцать верблюдов, которых тут отродясь не видели, груженных тяжелыми тюками, да еще дюжина груженных с верхом повозок. Чуть ли не весь город сбежался на главную площадь поглазеть на «варварские диковины».

Шум привлек внимание оказавшегося проездом в том же городе императора, и он потребовал, чтобы его познакомили с невестой его вассала. Женщин Генрих вообще любил без меры и разбора, а уж богатых...

Увы, жениться на Евпраксии император не мог, так как уже давно состоял в браке и имел двух сыновей, поэтому он попытался хитростью и силой завладеть приданным «дикой россиянки». Правда это или нет, но в некоторых немецких летописях есть упоминания о том, что *«невеста маркграфа Саксонского волибюю неведомой заставила диковинных животных так кричать, что и воины, и горожане, обратились в бегство»*.

Приданое было спасено. Но император поклялся, что рано или поздно завладеет и богатством «дикарки» и ею самой. Как он собирался это осуществить, Генрих еще не придумал, но не зря в немецких землях он давно уже носил прозвище «Рыжего Сатира», а многие и вовсе считали его слугой самого сатаны. Что, в общем, было недалеко от истины: император был главой страшной секты николаитов, известной своими далеко не христианскими обрядами.

Красота Евпраксии поразила не только императора: ее жених не мог налюбоваться на свою нареченную и заявил, что желает немедленно совершить обряд бракосочетания. С огромным трудом мать, вдовствующая маркграфиня Саксонская и тетушка Ода уговорили его подождать, пока невесте исполнится шестнадцать лет – срока, установленного германскими законами.

Графиня Ода предложила, чтобы Евпраксия провела четыре оставшихся до свадьбы года в Кведлинбургском женском монастыре, где воспитывались и получали образование дочери наизнатнейших семей Германии, а игуменьями были принцессы только королевской крови. Покровительствовала монастырю сама императрица Берта – кроткая и богобоязненная супруга «Рыжего Сатира», а настоятельницей там была сестра императора Адельгейда.

У нее-то Евпраксия и училась немецкому языку и латыни. Аббатиса была так образованна, что читала не только псалмы, но и творения Вергилия и Горация. Стихи русская княжна быстро научилась понимать и многое запоминала наизусть. А вот псалмы давались отчего-то труднее:

«Господи, взываю к Тебе, услышь меня: внемли гласу моления моего, когда взываю к Тебе. Да будет молитва моя, яко кадило пред Тобою. Прими из рук моих, жертва вечерняя!»

Евпраксия прилежно повторяла слова следом за аббатисой, но не решалась спросить о том, что они значат. Отчего-то робела, хотя о личной жизни настоятельницы спрашивать не боялась. Адельгейда была еще молодая и очень красивая женщина, монашеский наряд смотрелся на ней странно.

– Отчего вы не вышли замуж, преподобная матушка? – спросила ее как-то Евпраксия. – Знатная, красивая, богатая – отчего предпочли стать невестой Христовой, а не супругой какого-нибудь могущественного владыки?

– Такова была воля моего отца, – сухо ответила настоятельница и прекратила разговор.

Родительская воля и для Евпраксии была священна, поэтому она еще сильнее привязалась к настоятельнице, почитала ее, как старшую сестру. И решила, что если придется перейти в католичество, то сделает она это под именем Адельгейды. Так впоследствии и произошло... увы. Ибо имя, это, как известно, судьба.

А судьба принцессы Адельгейды была трагичной. Вовсе не отцовская воля привела ее в монастырь; по желанию отца она должна была выйти замуж за одного из германских князей, молодого и красивого. Но ее брат Генрих заманил князя в один из своих замков и там убил руками своих приспешников. А сестру – тогда еще совсем юную – изнасиловал в компании со своими собутыльниками. Адельгейда скрыла его и свой грех в Кведлинбургском монастыре, где по воле того же брата стала аббатисой и наставницей невинных девушек. Император получал от этой ситуации какое-то извращенное удовольствие.

В пятнадцать лет Евпраксия перешла в католичество, а через год обвенчалась с Генрихом фон Штаденем. Молодые супруги нежно любили друг друга, но брак, увы, оказался недолгим: менее, чем через год, в 1087 году, Генрих был отравлен в одном из замков императора, причем тот утверждал, что это маркграф хотел его отравить и всыпал яд в бокал, да случайно перепутал и выпил отраву сам. Доказать ничего никто не смог.

Маркграфство перешло по наследству к младшему брату умершего, Людигеру. А бездетная юная вдова вновь вернулась в Кведлинбургский монастырь, к аббатисе и воспитательнице. К своей страшной будущей судьбе.

Но пока ничего не предвещало будущих невзгод и испытаний. Жизнь в монастыре не отличалась унылым благочестием, скорее монастырь напоминал замок, куда постоянно наведывались самые разные гости – в основном, знатные господа и дамы. Вечера в трапезной проходили весело, иногда даже слишком весело, по мнению Евпраксии. Впрочем, ей было неизвестно, что основное «веселье» продолжалось уже после того, как воспитанницы удалялись в свои кельи.

А за стенами монастыря шла непростая жизнь, наполненная интригами, военными стычками, ссорами императора Генриха с папой римским и итальянскими аристократами. Евпраксия ничего не знала о том, что у германского императора была самая скандальная репутация на свете. Хотя весь христианский мир содрогался, от бесконечных скандальных выходов императора.

Генрих был коронован в четырехлетнем возрасте, после смерти своего отца, Генриха III. Формально власть перешла в руки вдовы императора, регентши Агнессы Савойской, но фактически империей управляли опекуны маленького императора – архиепископы Адальберт Бременский и Ганно Кельнский. Они же занимались и его воспитанием, да так оригинально, что их воспитанник стал обладателем всех мыслимых и немыслимых пороков, а главное – проныкся презрением к религии как к силе, руководящей поступками и потребностями человека. А заодно и к Риму, власть которого над собой категорически отказывался признавать.

Эта неприязнь усилилась еще и в связи с тем, что папа римский категорически отказывался разрешить Генриху развестись с женой – Бертой Савойской, на которой его просто принудили жениться еще в ранней молодости. Берта родила ему двух сыновей, Конрада и Генриха, но так и не смогла дожидаться хотя бы простой учтивости со стороны супруга.

Добродетельная и кроткая, Берта сама не желала развода, хотя супружеские измены императора могли истощить терпение святой. Тогда Генрих решил спровоцировать на супружескую измену саму императрицу и стал подсовывать ей одного за другим молодых и сладкоречивых кавалеров, которые клялись императрице в неземной страсти и умоляли о взаимности. Тщетно.

На какое-то время Генрих оставил супругу в покое, точнее, просто перестал с ней общаться. Его занимали гораздо более серьезные дела и, прежде всего, обострившаяся до предела конфронтация с Римом. Папа Григорий VII, обладавший достаточно крутым нравом, предал императора анафеме. В те времена это означало стать изгоем, будь ты хоть трижды венценосцем.

Императору пришлось признать свое поражение. Среди зимы, босиком и в рубище нищего, Генрих явился в итальянский город Каноссу, где в то время находился папа и, стоя на коленях у ворот замка, принялся молить о прощении. Тогда папа снизошел до того, чтобы простить грешника, приказал впустить его в замок, позволил облобызать свою туфлю, отпустил Генриху грехи и снял с него проклятие церкви.

Как впоследствии выяснилось, совершенно напрасно.

Получив отпущение грехов, Генрих вернул себе утраченную было власть на территории Германии, а затем... объявил войну Италии и захватил Рим. Он мечтал прилюдно унижить обидевшего его папу Григория VII, но тот, как назло, скоропостижно скончался. Выбранный вместо него папа Урбан II, известный своей непримиримостью к еретикам и богохульникам, был застигнут врасплох и оказался вынужденным искать спасения в Южной Италии.

Там он получил мощную военную поддержку со стороны крупных феодалов, прежде всего, богатой и воинственной герцогини Матильды Тосканской. Из Италии Генриха выгнали и тут он... вспомнил о молодой богатой вдове. Точнее сказать, вспомнил об ее невероятном приданном, на которое можно было нанять сильную армию и взять реванш в Италии.

Правда, Генрих был все еще женат, но эту проблему он, наконец, решил легко и просто, не прибегая к юридическим ухищрениям. Просто пригласил супругу на праздничный ужин в один из своих замков, прилюдно заявив, что желает помириться с императрицей Бертой и жить с нею до смерти в любви и согласии. Примирение состоялось в присутствии многочисленных придворных, но как-то так вышло, что три дня спустя императрица скончалась от неизвестной болезни.

И вот тогда в трапезной Кведлинбургского монастыря появился сам император – невысокий, худощавый рыжебородый человек с гордой осанкой. Он был в трауре, только на груди ярко

блестела золотая цепь. И явился он в монастырь для того, чтобы сделать официальное предложение юной вдове маркграфа Саксонского Адельгейде. И сделал это предложение в таких изысканных и полных любви выражениях, что от них вполне могла потерять голову не только юная, но и вполне зрелая женщина.

Евпраксия впервые услышала от мужчины слова любви – и радостно поверила им. К тому же перспектива стать императрицей заставляла ее сердце сладко замирать: на такую высоту еще не поднималась ни одна из русских княжон. И она не заставила Генриха долго ждать согласия в ответ на его предложение стать его женой и императрицей.

Как утверждал один из немецких хронистов, Генрих IV был не столько прельщен юностью умом и красотой Евпраксии, сколько надеялся с помощью нового брачного союза заручиться поддержкой могущественного киевского княжеского дома в борьбе с римским папой, Урбаном II, и могущественной герцогиней тосканской Матильдой.

Предложение стать германской королевой Генрих IV сделал Евпраксии в 1088 году. Киевский князь послал дочери свое благословение. В Киев было послано извещение о браке и выражена надежда на взаимопонимание. 14 августа 1089 года состоялось венчание и коронация Евпраксии-Адельгейды в Кёльнском соборе.

Однако цель не была достигнута: Византия прервала взаимоотношения с Германией, а византийский император Иоанн II Продром, стремившийся удержать Русь в сфере своей политики, дал понять, что новый брак Евпраксии не поддерживает. Киев отказался вступать в союз с Генрихом IV.

Его это так разозлило, что вся любовь к жене (пусть по большей части показная) превратилась в откровенную неприязнь. Правда, он получил доступ к приданому и стал собирать новую армию из наемников на деньги супруги, но тут пришла новая сокрушительная весть: благодаря удачной дипломатии римского папы противники Генриха IV заключили политический и военный союз посредством брака 43-летней герцогини Тосканской и 17-летнего герцога Баварии Вельфа V. Этот союз привел к концентрации власти в руках противников императора на юге Германии и севере Италии.

Взбешенный Генрих IV пошел на беспрецедентный шаг: собрал верных ему северогерманских архиепископов и они выбрали «антипапу» – Климента III. Накануне Пасхи 1091 года император после длительной многомесячной осады захватил крепость Мантую. С весны 1092 года он осаждал крепость Монтевельо, но в октябре вынужден был от неё отступить, повернув своё войско в сторону Каноссы.

Здесь фортуна окончательно отвернулась от императора – в октябре 1092 года Генрих IV потерпел поражение под стенами роковой для него Каноссы, многие итальянские города заключили оборонительный и наступательный союз против императора и взяли под свой контроль альпийские перевалы так, что на этот раз Генрих оказался отрезанным от Германии и в течение трех лет, с 1093 по 1096 год, не мог туда вернуться, найдя прибежище в Венеции.

Его старший сын Конрад нанес отцу очередной удар, примкнув в 1093 году к Папе и его сторонникам и в Милане был возведен на трон короля Италии. Конрад стал своеобразным знаменем борьбы с императором! Для закрепления успеха герцогиня Матильда Тосканская лично сосватала ему нормандскую принцессу Констанцию. Свадьбу сыграли в замке Матильды.

А виновной за все это в глазах императора была Адельгейда...

Все это время молодая императрица находилась фактически в заключении в Вероне, где в 1092 году умер ее недавно родившийся сын. Евпраксия-Адельгейда вообще оказалась в очень непростом положении. Став в 19 лет соправительницей громадной Священной Римской империи, она не имела возможности не только решать что-либо самостоятельно, но и узнать о родных, о сестрах, оставшихся в Киеве.

Да и новый муж, как выяснилось, имел «необузданный характер»: с ним не ужились ни мать Агнесса, ушедшая от сына, едва он стал совершеннолетним, в монастырь, ни выросшие

сыновья от первого брака. Хроники сообщают, что о безнравственности германского императора многим было известно задолго до его брака с Евпраксией.

Когда в 1089 стало ясно, что планам Генриха IV по вовлечению Киева в продолжавшуюся борьбу с папским престолом не суждено сбыться, император начал вымещать свою злобу на жене. Принудив ее к участию в тайных оргиях николаитов, Генрих лично наблюдал за действиями насильников. Немецкий хронист отметил, что, *«испытая на себе этот культ нечестия, первое время она молчала по женской стыдливости, а когда величина преступлений победила женское терпение, она раскрыла это дело священникам и епископам»* и стала искать их поддержки в официальном разрыве с мужем-императором.

Помочь бежать из заточения, где ее в любую минуту могли отравить, задушить или просто сбросить со стен замка, императрице помог ее пасынок Конрад. Он доставил мачеху в Каноссу, где она была встречена папой Урбаном II как императрица, торжественно и с почестями. Теперь ею владело одно только желание: отомстить Генриху – и обрести покой. Она не сомневалась, что события эти должны следовать именно в таком порядке. Но как отомстить?

Ей помогли и в решении этого вопроса: предложили подать на церковный собор в Констанце грамоту с жалобой на мужа, чтобы таким образом оповестить всю Германию о постыдных деяниях императора Генриха IV.

Собор в Констанце (герцогство Швабия) состоялся в апреле 1094 года. На нем читалась и обсуждалась грамота с жалобой Евпраксии на унижения, которым ее подвергал муж. После собора в Констанце папа Урбан II предложил ей выступить с теми же разоблачениями на предстоящем общецерковном соборе в Пьяченце 1 марта 1095.

На обоих соборах Евпраксия свидетельствовала против Генриха, обвинив его в принуждении к супружеским изменам, в частности, к сожительству со старшим сыном Конрадом, а также обвинила императора в оргиях и сатанизме. Папа Урбан II вновь предал Генриха анафеме – теперь уже без права на помилование. Жалоба Евпраксии была признана справедливой и она получила полное отпущение грехов, как невинная жертва своего супруга.

Разоблачения Евпраксии оказались сокрушительным ударом по престижу императора, которым воспользовались для своего возвышения Конрад и маркграфиня тосканская Матильда. Сама же она в глазах обывателей стала не жертвой, а соучастницей всех позорных дел своего супруга, и даже в киевских хрониках того времени можно встретить упоминания об императрице германской как о «волочайке», то есть гулящей женщине. В то время позор за обнародование подробностей сексуального насилия ложился не только на насильника, но и на его жертву.

Публичное выступление жены против мужа было равнозначно гражданскому самоубийству, так что, чтобы подняться над этими предрассудками, нужно было обладать незаурядным мужеством. Евпраксия им обладала, но это не принесло ей ни покоя, ни счастья. По нормам средневековой морали, Евпраксия была блудницей, а обращение с просьбой о защите к Папе Римскому – лишь доказательством ее бесстыдства (хотя в средневековой истории аналогичные случаи известны: с буллой на имя папы обращалась, например, Элеонора Аквитанская).

Впоследствии поступок Евпраксии резко осуждался немецкими историками. Историческая справедливость не вяжется с «очернением» ими Евпраксии и «обелением» Генриха IV. Император был судим папским судом, отрешен от престола, предан анафеме и умер в бесславии. Это – факт, от которого невозможно отмахнуться.

После многолетних попыток восстановить прежнее положение, после многочисленных сражений, всегда кончавшихся позорным поражением, низложенный император умер в августе 1106 года.

Адельгейда (теперь уже снова принявшая православие Евпраксия) узнала об этом в Киеве. Она жила тут уже почти десять лет. И беспрестанно вспоминала тот пасмурный день – небо было серое-серое! – когда она вывернула душу наизнанку перед десятками тысяч людей.

О, к ней отнеслись снисходительно, как и подобает святым отцам. На нее даже не наложили епитимьи.

Но все забыли об Адельгейде, как только закончился процесс суда над ее супругом-императором. Она никому не была нужна – ни грешная, ни невинная. Приняла ее только старшая сводная сестра Анна – настоятельница женского Андреевского монастыря в Киеве, куда после нескольких лет тяжелых скитаний вернулась Евпраксия.

Анна и Евпраксия часто проводили время вместе – две сестры, жизни которых были так не похожи одна на другую, а заканчивались практически одинаково, в монастырских стенах. Иногда Анна читала вслух псалмы – особенно часто тот, который с юности тщетно пыталась понять Евпраксия.

– Господи, взываю к Тебе, услышь меня: внемли гласу моления моего, когда взываю ми к Тебе. Да будет молитва моя, яко кадило пред Тобою. Прими из рук моих, жертва вечерняя. Положи, Господи, печать на уста мои, и от беды огради меня. Не уклони сердце мое в словеса лукавствия... Лишь к Тебе, Господи, обращены очи мои. На Тебя я уповаю, не отыми душу мою. Пусть в сети свои попадут грешники, а я в одиночестве пред Тобою пребуду, пока не достигну конца жизни...

– Что это значит? – однажды не выдержала Евпраксия.

– Молящийся просит Владыку нашего благоволительно принять прошение его, – объяснила Анна. – Свои помышления он уподобляет благовонным курениям из кадила, потому что они тонки и приносятся Богу единым умом. А дела, представляемые под образом рук, уподобляет жертве, потому что они имеют как бы более доблести в сравнении с мысленными приношениями. Говорит же: жертва вечерняя, потому что в добрых делах упражняться должно до конца.

До конца... Но ведь жизнь-то как раз и заканчивалась. Просто не успеть упражняться в делах добрых... уже не удастся! Слишком часто мучительные боли в груди почти повергали ее в беспамятство, слишком часто замирало сердце так, что казалось – никогда больше не забьется.

* * *

О том, когда это все же свершилось, о том, когда достигла конца жизни Евпраксия, императрица Священной Римской империи, есть строка в «Ипатьевской летописи»:

«В лето 6617 (1109) выпало преставиться Евпраксии, дочери Всеволода, месяца июля 9 дня, и положено было тело ее в Печерском монастыре у южных дверей, и сооружена была над ней божница, где лежит тело ее».

Ей еще не исполнилось тридцати восьми лет.

Первые великие князья Московские

Внук Александра Невского, сын московского князя Данила Александровича, князь Московский, князь Новгородский и Великий князь Владимирский, он в течение долгого времени он оставался в тени своего старшего брата князя Юрия, но после его гибели в 1325 году Иван I занял великое княжение в Москве.

Времена его правления были эпохой усиления власти Москвы и ее возвышения над другими русскими городами. Иван Данилович обеспечил безопасность Москве тем, что заслужил расположение и доверие Узбека.

«Перестали поганые воевать русскую землю, – писал летописец, – перестали убивать христиан; отдохнули и опочили христиане от великой истомы и многой тягости и от насилия татарского; и с этих пор наступила тишина по всей земле».

Так кто же был Иван Калита – патриот или предатель? Стяжатель или щедрый благотворитель? Второе – менее известное – прозвище у него было «Добрый». Так может быть, попробуем разобраться?

У Александра Невского было четыре сына: старший, Василий, княжил в юности в Новгороде, а впоследствии в Костроме, где и умер. Димитрий и Андрей вели между собою кровавый спор за великое княжение; последний отличился тем, что дважды наводил на Русь татар, которые произвели в ней ужаснейшие опустошения (1282 и 1294 гг.), отозвавшиеся на целые десятилетия.

Четвертый сын Невского, Даниил остался после смерти отца ребенком. Ему в удел досталась Москва, считавшаяся незначительным «пригородом» города Владимира. Даниил был первый князь, начавший укреплять позиции Москвы на Руси, и положил начало тому расширению владений, которое затем так последовательно вели все его преемники.

Даниил умер в 1303 году, приняв перед смертью схиму. По летописным известиям он погребен был в деревянной церкви Св. Михаила, которая стояла на месте нынешнего Архангельского собора в Москве; а предание, записанное в его Житии, помещает его могилу в Данииловом монастыре, будто бы им основанном. Он оставил пятерых сыновей: Юрия, Ивана, Александра, Бориса и Афанасия

Впервые Иван Данилович (еще не Калита и не Добрый) упоминается в новгородской летописи в 1296 году в связи с поездкой в город Новгород Великий. В начале XIV века княжил в Переяславле-Залесском. В 1305 году он разбил под Переяславлем войско тверского боярина Акинфа, который пытался захватить город.

В Москве княжили сперва его отец, а затем – старший брат Юрий. С братом своим Иваном Юрий всю жизнь жил дружно, но с другими братьями, Александром и Борисом, не поладил до того, что они убежали в Тверь к его непримиримому врагу. Этот враг в 1308 году еще раз покусился на Москву и опять не взял ее. Взаимная злоба еще более усилилась после нового нападения на Москву и, наконец, прорвалась отчаянною борьбою по поводу Новгорода.

Со времени татарского завоевания Новгород, пользуясь своею внутреннею самостоятельностью, принужден был допускать у себя пребывание на Городище великокняжеских наместников и платить великому князю дань в качестве участия в общем платеже выхода хану. С этих пор отношения между Новгородом и великим князем всегда были натянутые и нередко делались открыто враждебными.

До самого падения Великого Новгорода в конце XV века не было ни одного великого князя, за исключением Юрия Даниловича, с которыми бы новгородцы находились в дружеской и искренней связи.

Но весной 1315 года пришло Юрию приказание явиться в Орду. Князь не посмел послушаться и поехал. Ему пришлось прожить в Орде более двух лет. Последствием такого долгого пребывания было то, что Юрий вошел в милость к хану Узбеку и женился на его сестре Кончаке, которая приняла в крещении имя Агафии.

На Русь Юрий возвратился... вместе с татарским войском, которое бесчинствовало на пути в Костроме, Ростове, Дмитрове и Клине. С татарами были хивинцы и мордва. Но тверской князь Михаил сумел дать отпор: князь Юрий бежал в Торжок, а оттуда пробрался в Новгород.

Новгородцы дружно принялись за дело своего союзника; к ним присоединились псковичи. Недавно был заключен новгородцами мир с Михаилом; нападать на Михаила было бесчестно: поэтому новгородцы решили прежде послать к Михаилу требование сделать все угодное Юрию, а вступить с ним в войну предполагали только тогда, когда он откажет.

Михаил был сговорчив, потому что боялся ханского гнева. Отпустить жену Юрия было невозможно: она умерла в плену; говорили, что ее там умили зельем. Михаил выдал Юрию только тело ее. При посредстве новгородцев, соперники порешили на том, чтобы им обоим идти в Орду, к хану Узбеку.

Хан приказал рассудить дело Михаила Ярославича с Юрием. Михаилу предъявили такое обвинение: *«Не давал царевой дани, бился против царского посла и уморил княгиню жену Юриеву»*. Михаил был казнен, а Юрий, получив от хана великое княжение, возвратился в Русь с большою честью.

Юрий, сделавшись великим князем, послал в Новгород брата своего Афанасия, но после смерти последнего в 1322 году сам переехал в Новгород и остался в нем. Он уступил Москву брату Ивану и, считаясь великим князем, жил в Новгороде. Но через три года князь Юрий был убит сыном князя Михаила Дмитрием. Тело Юрия было привезено в Москву, а убийцу казнили по приказанию хана Узбека.

Иван I Данилович наследовал Московское княжество. В первый же год своего правления он, желая положить благое начало своему княжению, призвал в Москву из Владимира митрополита Петра. Это сразу сделало Москву духовным центром Руси и обеспечило московскому князю поддержку церкви. Москва стала резиденцией митрополита «всех Руси», а Петр способствовал Ивану в проведении политики централизации русских земель.

В отличие от своего старшего брата, Иван любил Москву. Именно при нем был построен дубовый Кремль, который защищал центр города и посад за его пределами. С большой скоростью возникали села. Бояре с радостью отправлялись к Московскому князю и получали от него земли. Иван Данилович заботился о безопасности своего княжества, строго преследовал и казнил разбойников, поэтому купцы могли спокойно ездить по русским дорогам.

Свое вошедшее в историю прозвище Иван Данилович получил еще при жизни и прежде всего от привычки носить с собой постоянно кошелек («калиту»), чтобы раздавать милостыню бедным. Позже Калитой его стали называть и враги – за огромные богатства, которые он использовал для расширения своей территории покупкой чужих княжеств.

Но первоначальным своим возвышением Иван Данилович был обязан благоволению к нему ордынского хана. В 1327 году Иван Калита вместе с другими князьями отправился в поход на Тверь **совместно с золотоордынскими карательными отрядами для подавления народного восстания против монголо-татар**. За это был награжден в 1328 году ханом Узбеком: получил Костромское княжество и право контроля над Новгородом Великим.

В том же году Иван Данилович – опять совместно с ордынцами! – предпринял поход на Тверь, где убили татарского посла со свитой, сжег города и села, взял в плен множество тверичан и... получил в награду титул князя Новгородского. Правда, ярлыка на великое княжение ему так и не дали, несмотря на щедрые дары хану и его окружению.

Пришлось временно удовольствоваться только городом Владимиром и Поволжьем, но потраченные на взятки средства хотелось чем-то компенсировать. Иван Данилович потребовал от новгородцев дань в увеличенном размере, получил отказ и пошел войной на недавних союзников, заняв города Торжок и Бежецкий Верх. После чего, призвав на помощь митрополита Феогноста, Иван Калита заключил с городом Новгородом мир. В 1336 году новгородцы призвали его своим князем и выплатили все требуемые деньги.

Мир скрепили браком старшего сына Ивана – Симеона – с дочерью литовского князя Гедмина Айгустой (во святом крещении нареченной Анастасией). Помимо этого Иван Калита выкупил в Орде из плена брата Айгусты-Анастасии Наримунта, заручился его расположением и отправил в Литву, к отцу Гедмину. Новгородцы же, опасаясь как Калиты (в то время только титульный Новгородский князь) с ордынцами, так и шведов, пригласили Наримунта на северные волости, дав ему в отчину Ладогу, крепость Орешек, Корельскую землю и половину Копорья.

Но Наримунт предпочел жить в Литве, передоверив управление своими землями свекру своей сестры. А еще до этого Иван отдал двух своих дочерей замуж за Василия Ярославского и Константина Ростовского для того, чтобы распоряжаться и их уделами. Так при помощи династических браков, взяток и прямых набегов Иван Калита укреплял свою власть и расширял владения. И добился многого: согласно летописи, во всей Северо-Восточной Руси наступила тишина на многие годы. Даже татары перестали совершать набеги на Русь, опасаясь ханского гнева: Узбек настолько доверял князю Ивану, что даже поручил ему сбор податей с населения.

Наконец, Калита добился у Узбека ярлыка на признание себя великим князем Всея Руси. За мирные отношения с Золотой Ордой он собирал для нее с населения огромную дань, а все народные недовольства, вызывавшиеся тяжелыми поборами, Иван беспощадно пресекал. Также с помощью татар он устранил многих своих политических соперников – других князей.

Иван неуклонно стремился к расширению территории своего княжества и в собирании русских земель вокруг Москвы. Накопленные средства он расходовал на покупку территорий своих соседей. Влияние князя распространилось на ряд земель Северо-Восточной Руси (Новгородская земля, Ростов, Тверь, Углич, Галич, Псков, Белоозеро). И хотя в этих городах правили местные князья, они, по существу, являлись лишь наместниками московского князя.

Собственно, Иван Данилович лишь продолжал то, что было начато его старшим братом Юрием. Тот тоже избирал «другие пути» к усилению своей власти и своей Москвы. Тотчас после смерти отца он захватил Можайск и привел пленным в Москву тамошнего князя Святослава. В 1306 году он удушил рязанского князя Константина, взятого в плен отцом его Даниилом и содержавшегося в Москве в неволе.

Московский князь думал вместе с тем присвоить себе и Рязань: но это не удалось ему: молодой рязанский князь Ярослав выпросил у хана ярлык на рязанское княжение. Тем не менее, Юрию удалось присоединить к Москве Коломну, принадлежавшую до того времени рязанским князьям.

Годы правления Ивана были эпохой усиления Москвы и ее возвышения над остальными русскими городами. В Москве, помимо Кремля, были построены Успенский и Архангельский соборы, церковь Иоанна Лествичника, Преображенская церковь, а при ней открыт монастырь. Свято-Данилов монастырь был перемещен на новое место. В Переяславле-Залесском Иван основал Горицкий (Успенский) монастырь.

Летописцы отмечали, что князь заботился о безопасности жителей, строго преследовал и казнил разбойников и воров, всегда чинил «правый суд», помогал бедным и нищим. За это он получил второе свое прозвище – Добрый.

Иван Калита являлся крупным политическим деятелем своего времени. Хотя его деятельность неоднозначно оценивалась историками. В. О. Ключевский скороговоркой занес

Ивана Даниловича *«в череду серых личностей на великокняжеском престоле»*. М. Н. Тихомиров, напротив, полагал, что этот князь *«...зложил основы могущества Москвы, будучи блестящим политиком и дипломатом»*.

Кому верить? Истина, скорее всего, находится где-то посередине. Иван Данилович действительно способствовал заложению основ политического и экономического могущества Москвы, и начала экономического подъема Руси. Например, он ввел в действие земледельческий закон и установил новый порядок наследования. После смерти Ивана великокняжеский престол более или менее постоянно переходил к его прямым потомкам. Именно с княжения Ивана Калиты можно начинать отсчет самодержавного правления на Руси.

Что же касается дипломатии... Принципы этого князя целиком и полностью укладываются в нехитрый постулат: с волками жить – по-волчьи выть. Ему удалось добиться длительной и прочной благосклонности Золотой Орды, что само по себе было не простым делом. И вопрос заключался даже не в деньгах: все русские князья так или иначе «кланялись деньгами» ордынским ханам, в очень большой степени зависели от их расположения.

Кто приходился по нраву властителю, того он, не стесняясь ничем, мог назначить великим князем. Но в Орде, как вообще в азиатских деспотических государствах, милость властителя и доступ к нему покупались угождением и задариваньем близких к царю вельмож; и русский князь, искавший в Орде какой бы то ни было ханской милости, а тем более первенствующего сана, должен был достигать своей цели, во-первых, обещанием большого выхода (дани) хану, а во-вторых, подарками и подкупом разных лиц, имевших при ханском дворе влияние.

Так что в те времена титул великого князя мог купить любой, у кого было достаточно денег и не слишком много гордости. Тем не менее, при благоприятном раскладе титул великого князя мог и утвердиться в одной княжеской линии и сделаться фактически наследственным. При этом великий князь продолжал зависеть от произвола ордынских владык и должен был отдавать себе в этом трезвый отчет. Помимо этого, нужно было уметь распоряжаться своим богатством, постоянно поддерживать дарами доброе расположение к себе влиятельных лиц в Орде и тем самым подготовить своему сыну и наследнику благоприятную почву для получения ярлыка на великое княжение. А такая преемственность почти автоматически делала «счастливое княжество» первым среди всех остальных.

Подлю? Не более, чем все остальное, происходившее в те времена между многочисленными князьями и княжатами на Руси. Заметьте: спорные вопросы между **русскими князьями** решались татарами в Золотой Орде. Ханы, в зависимости от своих прихотей, решали: дать тому или иному князю ярлык на княжение и поддержать его или отказать и отдать на растерзание соотечественникам. Причем частенько это растерзание было буквальным. Знали ордынцы принцип «разделяй и властвуй» или нет, но пользовались они им весьма грамотно, а иногда даже виртуозно. Слишком независимых и сильных князей убивали руками других князей, даже не утруждая себя в большинстве случаев организацией набегов на Русь. Сами все привезут и сложат в ханском шатре к ногам хана.

За примерами далеко ходить не надо. В 1337 году главный противник московского князя, князь Александр Тверской покорился, наконец, хану и **тем самым вернул себе тверское княжение**. Но спустя два года князь Иван Данилович поехал в Орду с доносом на князя Александра, составленным, по-видимому, очень умело и убедительно. Александр Тверской получил приказ явиться к хану и отправился в Орду вместе со старшим сыном Фёдором. Оба были казнены «за измену».

Иван Калита, вернувшись из Орды, прежде всего приказал снять с тверской церкви Святого Спаса колокол и привезти его в Москву. Брат Александра Тверского, Константин, вновь был вынужден подчиниться. Вот так, не ведя никаких военных действий, интригами и символическими поступками московский князь взял верх над тверским. Дипломатический талант?

Или – обычное везение? Ведь все могло обернуться совершенно иначе, не зря же на Руси с давних пор бытовала поговорка: «Доносчику – первый кнут».

Другой пример: город Владимир во времена Ивана Калиты уже почти потерял статус главного города Руси: князья, получавшие от хана ярлык на владимирское княжение, не обязаны были пребывать во Владимире; они могли быть великими князьями и жить в прежних своих уделах.

Но главным в то время было то, что Орда, несмотря на все свое видимое могущество, уже пошатнулась, признаки разложения были отчетливо ощутимы. Уже на берегах Черного моря возникла другая Орда, Нагая, не желавшая признавать власти волжских ханов. Это было началом дальнейших отложений и распада монгольской монархии. В самой Волжской Орде достоинство хана перестало переходить по наследству и там все чаще происходили государственные перевороты с многочисленными жертвами.

История вообще – прелюбопытнейшая штука, точнее, не она сама, конечно, а то, как те или иные события толкуются потомками. Немецкие рыцари захватили современную Прибалтику давным-давно, когда татарские набеги на Русь еще не стали трагически-регулярными. Местное население находилось в таком положении, в какое русских не ставили даже в самые лихие времена распроклятого ига. Не существовало местной знати или правителей – все эсты, латы и литы были нищим и бессловесным быдлом, их даже в города не пускали. В полон не угоняли – это правда, но и только.

Вы слышали что-нибудь о немецком иге применительно к коренному населению Прибалтики? Лично мне не доводилось. А вот о татаро-монгольском – сколько угодно, с такими красочными подробностями, что только диву даешься, как они сохранились в памяти абсолютно поработанных и раздавленных чужеземных гнетом людей.

Пока Орда была сильна единовластием, она могла диктовать свою волю не столько покоренным, сколько покорившимся ее воле русским князьям. Тем более, что те предпочитали выклянчивать и покупать свои «ярлыки» у «проклятых захватчиков», не гнушаясь при этом никакими средствами в борьбе с другими князьями. Должно было пройти несколько столетий кровавых и разорительных междоусобиц плюс естественное вырождение и ослабление власти Орды, чтобы из среды русских князей выдвинулся человек, способный собрать вокруг себя если не всех, то большую часть русских князей.

Пока еще Орда была еще относительно сильна, власть великого князя могла утвердиться в одной княжеской ветви и в одной из русских земель, исключительно при посредстве этой ордынской силы, поскольку добровольного объединения под стягами какого-то князя от соотечественников ждать не приходилось. А получив «благословение» татар, следовало копить деньги, приращивать слабо защищенные земли соседей и ни в коем случае не давать им бегать ябедничать в ту же Орду.

Русские бояре, кстати, очень быстро смекнули, что хранить верность слабому князю по меньшей мере глупо и никак не вознаграждается. Наметилась тенденция перехода бояр «под более сильную руку», причем они тянули за собой и людей, составлявших их дружину и получивших в эти времена название детей боярских. Вряд ли они понимали, что с падением Орды хан естественным путем заменит самый сильный и ловкий из князей, но Иван Данилович понял это, пожалуй, раньше всех остальных. И помимо неуклонного накапливания богатств и приращения земель к Московскому княжеству, приложил все силы, чтобы его великое княжение не «ушло с молотка» после его смерти, а досталось наследникам **законным путем**.

Пока еще подобного закона не существовало, его еще только предстояло принять. Начало XIV века было той роковой эпохой, когда был поставлен к разрешению вопрос: какая из княжеских линий выдвинется выше всех и какая русская земля со своим главным городом сделается средоточием русского мира и будет стягивать к себе разрозненные его части?

Одной из главных черт характера Ивана Даниловича была гибкость в отношениях с людьми и настойчивость в достижении поставленной цели. Он очень часто ездил в Орду с «дружескими визитами» и, естественно, богатыми дарами, ничего при этом не выпрашивая у хана, и вскоре добился его полного расположения и доверия. Поэтому в то время когда другие русские земли время от времени подвергались внезапным и опустошительным ордынским набегам, владения князя Московского оставались спокойными, их население и благосостояние неуклонно росли.

Иван Данилович сам собирал со своих земель дань для Орды, подавляя при этом народное недовольство быстро и жестко, но уж, конечно, не так, как это делали татары с непокорным народом. Так же стремительно и жестко московский князь расправлялся со своими политическими противниками – другими русскими князьями, которые не смогли обзавестись столь сильным покровителем, как Орда.

Смело можно говорить о том, что Иван I усилил **московско-ордынское** влияние на ряд земель Севера Руси (Тверь, Псков, Новгород). Он к тому же сумел накопить огромные суммы, которые использовал для покупки земель в чужих княжествах и владениях. Его внук Дмитрий Иванович Донской в своей духовной грамоте сообщил, что Иван Калита купил Углич, Галич Мерский и Белоозеро.

Кроме того, Иван Данилович покупал и выменивал села в разных местах: около Костромы, Владимира, Ростова и даже в Новгородской земле, пренебрегая законом, запрещающим князьям покупать там земли. Более того, он заводил в Новгородской земле слободы, населял их своими людьми, и распространял таким образом свою власть в этих землях де-факто.

При этом Иван Данилович не забывал и о духовном возвеличивании Московского княжества. Помимо строительства храмов, монастырей и украшения Кремля (о чем говорилось выше), он приказал написать так называемое «Сийское евангелие», сохранившееся и по сей день в архивах Академии Наук. Сделано это было в качестве вклада в монастырскую библиотеку. Содержащаяся в конце рукописи памятная запись указывает на её заказчика – *«написано быс (ть) си Еѹа (н) г (ели) е въ граде Москве поведением княжим...»*

Евангелие написано на пергаменте и, содержит 216 нумерованных листов. Текст написан в два столбца по 24 строки. На полях имеются приписки, выполненные уставной скорописью. Рукопись сохранилась в полном объеме, за исключением первого листа Евангелие заключено в простой переплёт, обтянутый пергаментом, без каких-либо украшений.

К моменту смерти – а скончался Иван Данилович в весьма почтенном для того времени возрасте шестидесяти пяти лет – Великий князь Московский оставил богатую казну, почти вдвое увеличенное Московское княжество. И десять детей от двух браков – пятерых сыновей и столько же дочерей. Один сын – Даниил – правда, умер в раннем возрасте, но Симеон, Иван, Андрей и Владимир пережили своего отца, который был погребен в Архангельском соборе Кремля в начале апреля 1341 года.

Но за год до смерти успел организовать поход на Смоленск против князя Ивана Александровича, вступившего в союз с Гедимином и, главное, отказавшегося платить дань Орде. Порядок был наведен не столько с помощью ордынских войск, сколько при активном участии дружины рязанского князя, который предпочитал дружбу с набиравшей силы Москвою традиционным распрям.

Сразу после смерти Ивана Даниловича почти все русские князья рванулись в Орду к хану Узбеку, надеясь получить вожденный ярлык на великое княжение. Желание это было тем более острым, что при жизни Московский князь сумел «обидеть» едва ли не всех своих коллег: кого материально, а кого и физической расправой. Немудрено, что все князья Владимирской Руси, не желая наследника Калиты – Симеона Ивановича, – едва ли не впервые объединились в стремлении добыть ярлык на великое княжение князю Константину Суздальскому. Хан обещал «подумать».

Через несколько месяцев этих раздумий хан выдал ярлык... Симеону, по которому *«все князи Русские под руке его даны»*. А Симеон прежде всего заключил договор с... родными братьями *«бысть им за один до живота и безобидно владеть каждому своим»*. И лишь после этого, обезопасив тылы, Симеон венчался шапкой Мономаха во владимирском Успенском соборе на великое княжение.

Симеон явно унаследовал дипломатические таланты отца: когда обеспокоенный усилением Москвы великий князь литовский Ольгерд, занявший престол после борьбы между братьями Гедиминовичами, отправил брата Кориата в Золотую Орду с просьбой послать войско против Москвы, новому хану Джанибеку была послана из Москвы «ябеда»:

«Ольгерд опустошил твои улусы и вывел их в плен; теперь то же хочет сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, разбогатевши, вооружится и на тебя самого...»

Хан Джанибек, уже безнадежно погрязший во внутренних разборках Орды, ничтоже сумняшеся, выдал Кориата Симеону «головою», что заставило Ольгерда просить мира у московского князя.

Уже овдовевший к тому времени Симеон женился вторично на дочери Александра Михайловича Тверского и даже поддержал претензии его сына Всеволода на тверское княжение. Объяснялось это просто: прямого наследника у Московского князя пока не было, ибо все его дети умирали в младенчестве, и Симеону нужно было обеспечить непрерывность правления и политики своего отца.

Увы, этим планам не суждено было сбыться. Симеон умер от «моровой язвы» (великой эпидемии чумы) в 1353 году. От той же болезни погибли два его малолетних сына и младший брат Андрей.

Московский, а затем и владимирский престол перешёл к младшему брату Симеона, Ивану по прозвищу Красный, отцу Дмитрия, который впоследствии вошел в Историю под именем Дмитрия Донского.

Но это уже совсем другая история...

Мать слепого князя

Колокола звонили, как и положено – со сдержанной скорбью. Постригалась в монахини не абы кто – мать Великого князя Московского, Великая княгиня Софья. Но ей самой в скорбном звоне колоколов чудились иные отзвуки – райские. Притомилась – 80 лет прожила, из них чуть ли не шесть десятков в непрерывных государственных заботах, войнах, да иных скорбях великих. Пора, пора...

С трудом встала с каменных плит Вознесенского монастыря в Кремле уже не княгиня Софья – смиренная инокиня Марфа. Обвела взглядом храм и... улыбнулась. Вот и закончился ее мирской путь, теперь до Бога – несколько шагов осталось.

А ведь словно вчера все началось...

Это сейчас от Литовского княжества лишь отголоски былой славы остались, да вот инокиня Марфа – последняя законная наследница престола великого Гедемина. А тогда, в середине прошлого столетия, Великое княжество Литовское объединяло все западные и южные ныне русские земли. Граница проходила в нескольких десятках километров от Москвы. Не только что Тверь, но даже Клин были для Москвы «зарубежьем». Гедиминас ни разу не воевал ни с одним русским княжеством, но они сами присоединялись к Литве, и составили в конце концов три четверти ее территорий.

Софья родилась в Тракайском замке, когда отец ее, тогда еще княжич литовский Витовт вступил во второй брак с Анной Святославовной, великой княжной смоленской. Но ходили смутные слухи, что Софья – дочь Витовта от его первого брака с некоей Марией Лукомской, которая умерла в родах. Ибо больше детей у Витовта не было, а княгиня Анна не желала, чтобы ее считали «неплодной». В церковной книге якобы существовала подлинная запись о крещении «младенца Софии», но известна только дата – 1371 год. Смутное, тяжелое время для властолюбивого княжича, отец которого – Кейстут – вел непрерывную борьбу за власть с претендентом на польский престол князем Ягайло.

Борьба закончилась тем, что Ягайло взял в плен, а затем убил Кейстута. Чтобы избежать такой же участи, Витовт с помощью своей жены бежал к мазовецкому князю Янушу, женатому на его сестре Дануте и обратился за помощью к магистру Ливонского ордена. Правда, пришлось перейти из православной веры в католичество, но князя Витовта такие мелочи никогда не смущали.

Ливонский Орден не замедлил воспользоваться возможностью посеять смуту в Литве и пограбить ее города и селения. Разгорелась междоусобная война, совершенно невыгодная обеим сторонам. Ягайло в 1384 г. заключил мирный договор с Витовтом, а затем, женившись на польской королеве Ядвиге, отдал ему, наконец, литовский великокняжеский престол.

Витовт номинально стал вассалом польского короля. Страна досталась опустошённой, соседи – алчные и беспокойные рыцари, не уступали им и татары, постоянно грабившие южные и юго-восточные владения. Но постепенно Витовт уничтожил систему уделов, обновил государственный строй, провел целый ряд реформ и заставил считаться с собой не только поляков и русских, но и татар и немцев.

Он всю свою жизнь стремился к созданию мощного и независимого государства, жестоко карал князей, даже своих родственников, когда нужно было обуздать беспредел удельных князей. В этой обстановке росла и набиралась ума Софья, с раннего детства верившая, что судьба предназначила ей какой-то особый удел.

Наверное, потому, что у Витовта не было сыновей, он воспитывал единственную дочь по-мужски, точно предназначал ее к государственной деятельности. Действительно, была у често-

любивого литвина такая мечта: унаследовать власть после отца, найти дочери равного ей супруга и сделать Литву самым великим европейским государством.

Потому-то до двадцати лет красавица, умница, знатного рода и с богатым приданным девица все еще была не замужем. Женихи-то вились вокруг нее уже лет восемь – как говорится, смотрели вперед. Только Витовт отвергал все предложения, даже не утруждая себя объяснениями. Он чего-то ждал.

Но когда в 1391 году в замке появился высокий, широкоплечий юноша, русоволосый, с приятным лицом, все заметили, с каким почетом принял его Витовт. Хотя не был русский князь Василий пока ни особо знаменит, ни особо силен. Зато был он сыном Дмитрия Донского, искавшим в Литве союзников.

Куликовская битва, выигранная под предводительством князя Дмитрия Донского, прославила Русь и Москву. Но Золотая Орда была еще сильна и после гибели Мамаю, убитого в одном походе, власть перешла к хану Тохтамышу, задумавшему отомстить за поражение татар на Куликовом поле.

Тохтамыш подошел к Москве неожиданно со стороны Рязани, взял и сжег Серпухов, после чего двинулся к Москве. Приближение татарского войска стало известно Дмитрию Донскому, но его погубило предательство своих же соотечественников. Каменный Московский Кремль на первых порах оправдывал свою славу неприступного. Город держался уже три дня, но...

Нижегородские князья, пришедшие с татарами, клялись москвичам, что Тохтамыш не намеревается причинить им зло и требует только, чтобы его почетно встретили с дарами. Татары уговорили открыть ворота и встретить хана крестным ходом. Когда торжественная процессия вышла из Кремля, татары убили перед городскими воротами возглавлявшего оборону воеводу, и начали убивать беззащитных москвичей.

«И можно было тогда видеть в городе, – повествует современник, – печаль и рыдание, и вопль многих, и слезы, и крик неутешный, и многое стенание, и печаль горькая, и скорбь неутешимая, беда нестерпимая, нужда ужасная, горесть смертная, страх и ужас, и трепет, и дрожание, и срам, и насмешка над христианами от татар. И был отсюда огонь, а отсюда меч; одни бежали от огня и умирали от меча, другие бежали от меча и погибали от огня; была для них четверообразная гибель: первая – от меча, вторая – от огня, третья – от воды, четвертая – быть отведенным в плен».

Страшен был вид Москвы после разгрома ее Тохтамышем. Одних трупов было погребено 10 тысяч. Но насколько прочной оказалась память о победе на Куликовом поле, настолько слабой – память о поражении.

Опять «хозяевами земли русской» стали захватчики, опять нужно было ехать на поклон к хану в Орду, чтобы получить «ярлык на княжение». В 1382 году после разорения Москвы Дмитрий Донской отправил своего старшего сына Василия в Орду *«тягаться с Михаилом Александровичем Тверским о великом княжении»*.

Тохтамыш не дал Михаилу великого княжения, но и Василия под разными предлогами удерживал у себя, как заложника. Только через три года молодой князь сумел спастись бегством из плена – в Молдавию. Там в 1389 году настигло его известие о смерти отца и о том, что он получил по завещанию лучшие и сильнейшие города: Владимир, Коломну, Кострому и Переяславль. Оставалось только вернуть себе московский престол. Тут-то и возникла мысль о союзе с Литвой, который легче всего было заключить через брак.

Василий нашел и союзника, и супругу: через несколько месяцев Софья Витовтовна стала русской княгиней.

В качестве свадебных даров жене Василий пристроил новые палаты к Кремлевскому дворцу, повесил на них часы с боем, работавшие «самозвонно и самодвижно». А вот отца своего Софья увидела лишь семь лет спустя после венчания, когда приехала в 1398 в Смоленск.

Там он подарил ей икону Смоленской Богоматери Одигитрии. В 1046 ее привезла из Греции царица Анна Мономах, в те времена – невеста черниговского князя Всеволода, сына Ярослава Мудрого. Софья увезла подарок в Москву, и он навсегда остался в России.

Еще в самом начале семейной жизни Софья спросила мужа, почему его отец, прославленный полководец, не сумел защитить Москву. И услышала, что Дмитрия Донского... в Москве не было. Он увез свою семью подальше на север от опасности, оставив вместо себя воеводу.

Гордая литвинка не могла понять, как мог поступить так владетельный князь. Ее отец непременно сам встал бы во главе обороны. И лишь когда годы спустя сама оказалась перед нелегким выбором: спасение детей или борьба с врагом, поняла своего покойного свекра. Но до этого было еще далеко...

А пока она всеми силами старалась вести себя не только как Великая русская княгиня, но и как достойная дочь своего отца, о чьих победах уже ходили легенды. И мужу неустанно твердила о государственных делах и интересах.

Уже в самом начале своего княжения Василий Дмитриевич показал, что останется верен политике отца и деда. Через год после того, как посол ханский посадил его на великокняжеский стол во Владимире, Василий отправился в Орду и купил там ярлык на княжество Нижегородское. Потом к нему прибавились Муром, Городец, Мещера и Таруса. А сам князь сел на великокняжеский престол в восстановленной Москве. Рядом с Софьей, точнее, вместе с ней.

В государственных и хозяйственно-административных делах Софья была незаменимой помощницей мужу. Из 53 грамот русских великих княгинь, дошедших до историков, 10 подписаны ею. И супруг, и отец, делали ей щедрые подарки, которые Софья обращала в земельную собственность и очень мудро ею управляла. Именно ей великокняжеская семья обязана приобретением села Крылатского, где она устроила особый дом на случай приезда в Москву своего отца.

Но Софья была еще и женой: за годы долгого и счастливого брака она родила мужу девять детей: пятерых сыновей и четырех дочерей. Только вот спокойствия в делах престолонаследия так и не получалось добиться: и братья ее покойного свекра, и младшие братья ее супруга делали все возможное, чтобы отнять у Василия Дмитриевича великокняжеский престол.

Но и тут Софья была надежной опорой для своего супруга: могущество ее отца год от года возрастало, а с Москвой Литва в 1408 году заключила вечный мир. Столь прочный тыл помог Витовту пять лет спустя нанести сокрушительное поражение Тевтонскому рыцарскому Ордену в Грюнвальдской битве, а Софья смогла выдать свою старшую дочь Анну за Иоанна Мануиловича Палеолога, будущего византийского императора Иоанна VIII. К несчастью, Анна умерла родами через шесть лет после свадьбы, так и не став императрицей.

Но вообще-то отношение к Витовту во все времена было неоднозначным. Литовцы его называли и называют сейчас «Великим», в Псковских летописях он называется *«поганым отступником правды веры христианския»*, в исторических документах существует такая характеристика: «Заслужил постоянными интригами, изменами и коварством ненависть современников». Но все это было написано потом, после его смерти.

Как бы то ни было, ему удалось так устроить свои дела с Ордой, что по первому требованию к нему приходила татарская конница, а ни о каких набегах и речи не могло быть. Он был горд и высокомерен с князьями, суров для воинских начальников, взыскателен и неумолим в делах правосудия, но всегда был доступен для людей низкого звания: воинов, селян, горожан. Великие князья рязанский и тверской называли его господином и господарем, Чехия предлагала ему свою корону. Германский император предложил ему короноваться литовским королём, и Витовт согласился, но, увы, не дожил до официальной коронации. Не удивительно: ему к тому времени уже исполнилось 85 лет.

Орда отыгрывалась на Москве: в 1408 г. войска ордынского хана Едигея осадили город и... Софья с детьми бежала в Кострому. Тем самым спасла семью, но дети, рожденные до этого,

погибли от «моровой язвы» (чумы), в том числе первенец – Иван. Всю оставшуюся жизнь Софья не могла простить себе этого малодушного бегства и считала, что ее Бог наказал. Тем более что на сей раз Москва не сдалась на милость победителя, а сама одержала победу.

Князь Василий Дмитриевич умер сравнительно молодым, судя по всему, от чахотки, причем угас так быстро, что подозревали отравление – вполне обычное дело в княжеских семьях. В 1425 году Софья Витовтовна официально стала опекуной десятилетнего сына – «матерой вдовой», как тогда говорили.

Не нуждаясь больше в том, чтобы держаться в тени мужа, княгиня начала еще активнее вникать в государственные дела. Фактически она была правительницей княжества, что, разумеется, далеко не всем было по вкусу. Тем более что и правила она не только железной рукой, но и не всегда по справедливости.

Так, воспользовавшись смертью шурина – бездетного князя Петра Дмитриевича – она распорядилась присоединить к Москве его Дмитровский удел. При участии митрополита Фотия в 1428 г. вынудила другого брата мужа – звенигородского князя Юрия Дмитриевича (бывшего в то время старшим среди возможных претендентов на великое княжение) признать на престоле малолетнего Василия. Это ей удалось, в основном, потому, что согласия между братьями не было и в помине: каждый заботился только о собственной выгоде.

Достойная ученица своего отца, Софья не только была в курсе всех родственных свар, но и умело пользовалась ими. Помогал ей и авторитет отца: ни один из русских князей не решался сделать что-то вопреки ее воле, так как боялся решительных действий со стороны Литвы. Влияние Витовта на русские внутренние дела в то время было колоссальным. Но...

В октябре 1430 г. Витовт умер. Закончился период славы и самостоятельности Великого княжества Литовского.

И тут же пошатнулось положение Софьи, а, следовательно, и ее сына. Пришлось все в той же Орде, сохранившей толику прежнего влияния, разбирать тяжбу между 16-летним Василием II и его дядей, Юрием Дмитриевичем, который, нарушив слово, ранее данное Софье, предъявил претензии на великое московское княжение.

Спор был выигран при поддержке умного и хитрого московского боярина Ивана Всеволожского, посланного Софьей с просьбой помочь ее сыну. Взамен Софья обещала, что дочь Всеволожского станет женой ее сына, то есть Великой московской княгиней. «Приз» был более чем соблазнительным, и будущий княжеский тесть расстарался...

Но, как говаривалось в прежние времена, «царево слово переменчиво». Получив вожденный престол для сына, Софья передумала родниться с «обышным» боярином, и выбрала для Василия невесту познатнее, побогаче и ближе в родственном отношении к ее литовским корням – Марию Ярославну, внучку Елены Ольгердовны и серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго – княжну Марию Ярославну.

Характер у Софьи вообще был непростой. О ней говорили, что была *«нраву весьма горделивого»*, что очень часто проявлялось по отношению к ее обидчикам и недругам. А случай на свадьбе сына вообще вошел во все летописные своды: княгине донесли, что ее племянник Василий, по прозвищу Косой, сын князя Юрия Дмитриевича, явился на свадьбу в золотом поясе, украшенном драгоценностями. Все бы ничего, да только пояс этот принадлежал московскому княжескому дому и был некогда украден. Потом он каким-то образом оказался у звенигородского князя, а тот вручил его сыну. Взбешенная Софья прилюдно и демонстративно сорвала этот пояс с племянника.

Отношения между родственниками от этого, разумеется, не улучшились, да и сам поступок был не слишком разумен, но Софью явно ослепил гнев и давняя вседозволенность. Обиженный Всеволожский перешел на сторону князя Юрия, Василий Косой с братьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным уехал к отцу в Звенигород.

Через несколько месяцев после свадьбы начались уже вооруженные столкновения московского и звенигородского князей. В апреле 1433 года князь звенигородский разгромил войско Василия II и захватил Москву. Племянника Юрий Дмитриевич отпустил, но великого княжения лишил и дал ему в удел Коломну.

Однако возмущение всей Руси таким самоуправством было столь велико, что вскоре Юрий Дмитриевич предпочел добровольно вернуть престол Василию и удалился в Звенигород. Но Василий Косой и Дмитрий Шемяка, старшие сыновья Юрия Звенигородского, не согласились с решением отца и вернули его на московский престол. Пока шли эти схватки и интриги, Софья пыталась восстановить свое прежнее влияние на бояр. Увы, ее отца уже не было на свете, а престол выскользнул из рук единственного сына.

Правда, великий князь московский Юрий Дмитриевич правил недолго – едва ли год – и внезапно скончался. Поговаривали о яде, народ же предпочитал версию о «гневе Божьем». Простые люди отдавали предпочтение побежденному Василию Дмитриевичу – и тянулись в Коломну к «истинному государю». Внук двух великих князей – русского Дмитрия Донского и литовского Витовта – он казался народу воплощением гордого духа обоих. Звенигородских же князей недолюбливали за вечные склоки и межусобицы.

Это не помешало Василию Косому самовольно занять великокняжеский престол, что возмутило даже его родных братьев – Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного. В отместку они призвали Василия II вернуться в Москву.... и снова началась война за власть, где брат сражался против брата. Исход для самозваного князя оказался плачевным – он был взят в плен и по приговору московских бояр (уж не с подачи ли Софьи?) был наказан по византийскому обычаю – ослеплен.

Не раз и не два впоследствии вспомнит Софья эту казнь, вымаливая у Бога прощение за свое жестокосердие. Ибо аукнулось ей это деяние самым страшным образом.

Пока князья делили престолы, значительно усилилось Казанское ханство, до которого никому тогда не было дела. Теперь набеги на Русь начали совершать уже казанские татары, доселе смирно сидевшие на своих землях. Почти десять лет отражала Русь эти набеги, пока не случилось страшное: в 1445 году Великий князь Московский, тяжело раненый в сражении на реке Нерли, попал в плен. Ему отрубили несколько пальцев на руке, а на голове его лекари насчитали тридцать (!) ран. Софья Витовтовна выкупила чудом выжившего сына за огромную по тем временам сумму в 25 000 рублей. Но и это не было концом злоключений.

Пока Василий II находился в плену, Дмитрий Шемяка, в который раз переменявший свои убеждения, составил заговор против того, за кого еще недавно сражался. По возвращению из плена в феврале 1446 г. великий князь отправился на богомолье. Едва он выехал из Москвы, Шемяка овладел столицей, захватив в плен Софью Витовтовну и супругу великого князя Марию Ярославну.

А потом... Потом пленного князя по приказу Шемяки ослепили и сослали в Углич. Потому-то и вошел Василий II в историю со странным прозвищем «Темный» Сыновей великого князя укрыли было верные люди, но Шемяке удалось обманом заманить и их в ловушку и отправить под крепкий караул в тот же Углич.

Сторонники свергнутого и изувеченного князя укрылись в Литве, где их встретили с большим почетом. Это, естественно, не упрочило положения Шемяки: сосредоточение недовольных на литовской территории угрожало крупными осложнениями и новыми военными действиями, на которые не было уже ни сил, ни средств. Василия освободили из-под стражи и дали ему в удел Вологду, куда тут же потянулся народ, как когда-то в Коломну. А тверской князь Борис, один из самых влиятельных в то время на Руси, обручил свою дочь с сыном Василия, Иваном – будущим великим князем Иваном III.

Софью Витовтовну, разлученную со слепым сыном, ее противники пытались отделить от родных, ибо страшились влияния этой нестигаемой женщины. Семидесятипятилетнюю ста-

руху сослали в Чухлому, а оттуда увезли в Каргополь – по тем временам, глушь несусветную. Лишь под давлением высших церковных властей, пригрозивших Дмитрию карой небесной, тот отпустил Софью на свободу и она добралась своими силами до Троице-Сергиевой обители, где встретила слепого сына, собиравшегося постричься в монахи Спасо-Каменного монастыря.

Ибо после ослепления никто, никогда и нигде не возвращался к активной политической деятельности, и уж тем более не возвращался на престол. К тому же сломленный своим несчастьем Василий прилюдно покаялся и целовал крест на верность Шемяке. И тут из ссылки вернулась Софья...

Подготовка к пострижению в монахи свергнутого великого Князя шла полным Ходом, когда в Спасо-Каменный монастырь неожиданно прибыл игумен Макарий и уговорил князя, что при поддержке верных людей вновь появился шанс занять великокняжеский трон в Москве. Нужно было только проявить волю к победе, объединив под свои знамена врагов Шемяки.

Утром о решении было объявлено игумену Спасо-Каменного монастыря, который все понял и поддержал князя. Договорились, что Макарий отбудет в Кирилло-Белозерский монастырь, чтобы предупредить и подготовить местного игумена Трифона к подобающей встрече Василия Темного с семейством. Целью поездки теперь объявлялась безусловная поддержка знатного гостя в борьбе за великокняжеский престол, а, значит, и снятие с него целовальной клятвы на кресте.

Только в монашеской обители чудотворца Кирилла, имевшей давние связи с Москвой, могло произойти такое неординарное для церкви событие, ломающее все прежние традиции, ибо никто был не в праве отменять данную раз и навсегда клятву на святом кресте.

То, что произошло в тот вечер и в ту ночь на Каменном острове, Василий Васильевич Темный посчитал знаком с небес, которым впервые был отмечен его властный путь и судьба. Все в дальнейшем случилось так, как и задумали. Игумен Трифон поступил смело и решительно, принял ответственность на себя, сняв с великого князя целовальную клятву, к которой его насильно принудил Шемяка.

Благословение Макария и напутствие Трифона, сказанные от лица православной церкви, вдохнули в великого князя прилив жизненных сил, который уже не покидал «берегов» его души до конца жизни.

И дни великого княжения князя Дмитрия Юрьевича Шемяки оказались сочтены...

В 1449 году, когда Шемяка вновь выступил против Василия II, поход московских войск уже носил характер почти крестового: с великим князем шло все высшее духовенство. Да и явное предпочтение, которое простой народ отдавал своему слепому государю, сыграло свою роль. На Руси всегда любили и почитали мучеников, а Василий стал им фактически еще при жизни. Шемяка бежал в Великий Новгород, без особого успеха пытался собрать новых сторонников и... внезапно скончался. Версия об отравлении его московскими стараниями, по некоторым признакам, может считаться правдоподобной. После этого к Московскому княжеству присоединились Можайск и Боровск.

Казалось, сами небесные силы покровительствовали слепому Великому князю. В 1453 году турки захватили Константинополь, бывший до этого времени центром православия, и отныне главным оплотом православия стала Русь. Народ и в этом усмотрел промысел Божий, равно как и в том, что последнее нападение татар на Москву закончилось их внезапным и необъяснимым бегством из-под стен осажденного города.

Хотя в этом заслуги Василия не было совершенно: он в это время совершал поездку по Волге. Руководили обороной его восьмидесятилетняя мать вместе с новым митрополитом Ионой. В какой-то момент татарам почудилось, что к Москве приближаются несметные полчища Великого князя: агенты, как бы сейчас сказали, Софьи постарались на славу. Город был спасен.

Результаты княжения Василия II можно характеризовать как ряд крупных успехов: увеличение территории московского великого княжения, независимость и новая формулировка задач русской церкви, обновленная идея московского самодержавия и внутренне упроченная власть великого князя. В 1450 г. Иван, старший сын Василия II, был сделан его соправителем, его имя встречается на государственных грамотах. Только мало кому известно, что за всеми этими делами почти всегда стояла Софья – достойная дочь своего великого отца.

Василий II Тёмный вышел победителем из 20-летней борьбы за новый порядок престолонаследия. Умирая, он благословил своего старшего сына Иоанна великим княжением московским, так как город Владимир был включен в состав Московской области. На стороне Василия Тёмного были московские бояре, духовенство и народ. Все они сочувствовали новому порядку престолонаследия (от отца к старшему сыну), с которым наконец-то прекращались прежние княжеские усобицы, изрядно вредившие государству изнутри.

При нём же был постановлен митрополит, что дало русскому духовенству долгожданную независимость от константинопольского патриарха. Сама же Софья Витовтовна неоднократно участвовала в закладке церквей и монастырей, и страстно желала видеть окончание постройки Вознесенского собора в Кремле (при ней строительство было доведено до увенчания куполами).

Незадолго до конца жизни Софья Витовтовна купила село Воробьево в окрестностях Москвы (на Воробьевых горах), которое благодаря ей стало считаться дворцовым – великокняжеской, а затем и царской летней резиденцией.

Удивительно, но никто и никогда не попрекал вдовствующую княгиню её иноземным происхождением, как это произошло всего лишь полвека спустя с Еленой Глинской. Народ еще не отвык от того, что их правители брали в жены иноземных принцесс и княжон. А литвинка сделала для России куда больше, чем чисто русские жены других Великих князей.

Она тихо преставилась летом 1453 в возрасте 82 лет и была похоронена в традиционной усыпальнице русских княгинь – в Вознесенском монастыре.

Ее сын, Великий князь, еще не достиг старости, но несчастья и душевные страдания подорвали его силы. Сказались также ранения, полученные в боях с татарами. А смерть матери лишила его самого верного друга и союзника: он пережил ее лишь на девять лет.

Василий Темный хотел умереть монахом, но ему сделать этого не пришлось – не хватило времени. Он лишь успел написать духовную грамоту, утвердив великое княжение за старшим сыном Иоанном, и преставился на сорок седьмом году жизни Великим Постом 1462 года. Закончилось правление того, кто был, пожалуй, одной из самых трагических фигур русской истории.

Но начался совершенно новый этап самой этой истории.

Символ русской воинской славы

Дмитрий был сыном московского князя Ивана II Ивановича и вступил на престол после смерти отца всего девяти лет от роду. В таком возрасте он, разумеется, не мог править, и все дела княжества находились в ведении главы боярского совета митрополита Алексия. Естественно, что появление на московском престоле мальчика, вызвало у соседей – князей суздальских, нижегородских, рязанских и уже с ними желание пойти на Москву, скинуть малолетку и стать Великим князем Московским.

Помещало этим планам, как всегда, отсутствие единства между князьями и мудрая политика митрополита Алексия. А уж когда князь Дмитрий подрос, поздно было остальным князьям удовлетворять свои политически амбиции. Имена этих князей помнят только некоторые историки, а имя князя Дмитрия Донского навеки осталось в народной памяти.

Княжение Дмитрия Ивановича началось в 1359 году и совпало с «великой заматней» в Золотой Орде, где после смерти хана Бердибека перегрызлись между собой все более или менее влиятельные персоны. После череды убийств Орда разделилась между двумя ханами: Абдуллой и Мюридом. По совету митрополита Алексия, одиннадцатилетний князь Дмитрий отправился за ярлыком на княжение к **обоим** ханам по очереди. И в результате получил московское великое княжение – как оказалось, не только для себя, но и для своих потомков.

Годы шли, князь Дмитрий мужал, росла сила Московского княжества, тогда как раздоры между остальными князьями не прекращались. По одному «выдергивал» их Дмитрий Иванович с независимых княжений, отбирал земли и присоединял к московским. А в шестнадцатилетнем возрасте великий князь московский женился на единственной дочери князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича. Брак был заключен в Коломне, там же был подписан и «вечный союз» двух князей.

Москва окончательно утвердила свое руководящее положение в русских землях, хотя все еще платила дань Золотой Орде и вынуждена была считаться с ее ханами. Мало кто мог предвидеть, что существование татаро-монгольского ига почти закончилось, что через считанные годы никто из русских князей не поедет за «ярлыком» в проклятую Орду. Она казалась вечной и несокрушимой, но... только казалась.

Совсем еще молодой великий князь Московский отстроил первый белокаменный кремль в Москве, который навсегда стал символом города. А в возрасте двадцати пяти лет князь Дмитрий отразил нападение на княжество сильного войска литовского князя Ольгерда, а затем вынудил Тверь признать старшинство Москвы и заключить с ней прочный мир.

В 1376 году Московское княжество утвердило своё влияние в Болгарии Волжско-Камской, в 1378 году его рать разбила под Скорнищевом рязанского князя. Но Дмитрий Иванович занимался не только усмирением строптивых соседей: он первым из московских князей возглавил вооружённую борьбу народа против татар и в 1378 на реке Вожа разгромил татарское войско.

«В год 1378 ордынский князь, поганый Мамай, собрав многочисленное войско, послал Бегича ратью на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую. Великий же князь Дмитрий Иванович, услышав об этом, собрал много воинов и пошел навстречу врагу с войском большим и грозным. И, переправившись через Оку, вошел в землю Рязанскую и встретился с татарами у реки у Вожи, и остановились обе силы, а между ними была река».

Сам князь Олег Рязанский летописцем даже не упоминается. По-видимому, тихо сидел со своей дружиной в столице – Переяславле-Рязанском, и... просто ждал, чем все это закончится. Ему не хотелось ни ссориться с Москвой, ни воевать с Мамаем. Время единения русских князей еще не наступило, равно как и не настал срок падения Орды. Но...

В войске, которое участвовало в битве, кроме москвичей был еще и князь Даниил Пронский, командовавший целым крылом русской армии, то есть примерно третью или четверть всего выставленного против татар войска. Вряд ли Дмитрий Иванович доверил бы человеку, никак доселе не проявившему себя на полу брани, такой важный пост. Видимо, он привел с собой не только личную дружину, но и много других воинов с рязанских земель. А вот этого он бы не смог сделать без ведома и согласия Олега Рязанского.

Правда, Мамай рассчитывал совсем на другое: рязанский князь считался союзником Орды и должен был помочь ее войску, сражаясь **против** великого князя Московского. Однако в летописных сообщениях о битве на Воже не упоминается о какой-либо помощи Олега татарам.

Зато саму битву летописцы описали весьма подробно:

«Через несколько же дней татары переехали на нашу сторону и ударили в кони свои, и искошиша быстро, и нюкнуша гласы своими, и поидоша на грунах и ткнуша на наших.

И ударили на них с одной стороны Тимофей окольничий, а с другой стороны князь Даниил Пронский, а князь великий ударил в лице. Татарове же в том часе повергли копыя свои и побежали за реку за Вожу, а наши после за ними, бяючя их и секучи и колючи...»

Таким образом, русские бросились на атаковавших их татар одновременно с трех сторон. И татары, не выдержав фланговых ударов, побросали копыя и бросились наутек. Однако, разгромив противника, русские не решились немедленно преследовать его. Возможно, опасались, что бегство татар было притворным, и, пустившись за ними в погоню, они попадут в засаду. Опасения, не лишённые основания: напасть малым числом, отступить и заманить в ловушку – старейший тактический прием степняков.

«А когда приспел вечер, и зашло солнце, и померк свет, и наступила ночь, и сделалось темно, то нельзя было гнаться за ними за реку. А на другой день с утра стоял сильный туман. А татары, как побежали вечером, так и продолжали бежать всю ночь. Князь же великий в этот день только в предобеденное время пошел вслед за ними, преследуя их, а они уже далеко убежали...» – пишет далее летописец.

Татар русские войска, конечно, уже не догнали. Но зато нашли в степи брошенный ими обоз. Татары, видимо, ни на секунду не сомневались, что русские войска мчатся за ними следом, и именно поэтому бросили все свое имущество.

Гнев Мамай был страшен. Той же осенью татары совершили опустошительный набег на рязанские земли и разорили столицу княжества. Но дальше на Москву не пошли, не желая иметь в тылу хоть и выжженную, но враждебную рязанскую землю. Осторожный рязанский князь потерял всё, а уж о союзе с Ордой теперь и говорить не приходилось.

Но и вопрос о походе на строптивое Московское княжество стал лишь вопросом времени. Умирающая Орда все еще пыталась огрызаться, стремилась вернуть себе прежнее могущество, не понимая, что обратного пути просто нет. Хотя бы потому, что не было уже той Великой Золотой Орды, которая нагоняла страх на всех остальных и постоянно обогащалась за их счет. Время ушло: разрозненные и ослабевшие ханы практически все оставшиеся силы тратили на пустые межусобицы.

Москве же хватало проблем и без татар. За три года до вышеописанной битвы на Воже в ней случился великий пожар, который вошел в историю под именем «Всесвятский», так как начался в церкви Всех Святых. За два (!) часа огонь уничтожил Кремль, Посад, Загородье и Заречье. Но, как говорится, нет худа без добра: именно этот пожар стал причиной строительства в столице княжества нового кремля – белокаменного.

Именно новые неприступные стены помогли москвичам выдержать литовскую осаду, которая началась в ноябре 1368 года после того, как в кровопролитной битве на реке Тростна близ Москвы литовцами был разгромлен сторожевой полк москвичей. Разорив за три дня всю московскую округу, войско Ольгерда отошло назад в Литву.

Как сообщается в летописи «...такого зла, как от литовцев, и от татар не было».

Но князь Дмитрий уже почувствовал свою силу. Московские войска провели ответные походы в зависимые от Литвы Смоленскую и Брянскую земли, а затем предприняли новый поход на Тверь, после которого тверской князь Михаил... отправился в Орду просить великокняжеский ярлык. И довольно легко получил его, только все великокняжеские права так и остались на бумаге.

На известие о том, что он более не великий князь, Дмитрий Иванович ответил просто: собрал сильное войско у Переяславля и послал к представителю Орды в Твери гонца с грамотой:

«К ярлыку не еду, Михаила на княжение в землю владимирскую не пущу, а тебе, посол, путь чист!».

И все-таки московский князь показал себя не только отважным воином, но и хитроумным политиком. Он лично поехал в Орду, но не за ярлыком, а для того, чтобы выкупить находившегося там в заложниках сына... Михаила Тверского, Ивана. Ордынцы запросили несусветный выкуп, вдвое превышавший годовой доход всего Московского княжества. Дмитрий Иванович заплатил. Но тверской князь оказался неблагодарным.

Всего через три года после того, как его сын был выкуплен из Орды, Михаил Тверской вновь запросил ярлык на великое княжение, а, получив его, послал свои отряды на Торжок и Углич – закреплять свое положение. Поздно.

Вокруг Московского князя Дмитрия собрались полки почти всех князей северо-востока Руси: суздальско-нижегородский, серпуховской, городецкий, ростовские, ярославские, бело-зёрский, кашинский, стародубский, тарусский, новосильский, оболенский, смоленский, брянский и новгородцы, между прочим, постоянные враги Твери.

Осада города длилась месяц и князь Михаил вынужден был запросить мира. Договор с Дмитрием Ивановичем был подписан в начале сентября 1378 года, в нем Михаил навсегда отказался от притязаний на Москву, великое княжение Владимирское и Новгород, обязался помогать Дмитрию против татар и открыть свободный пропуск товаров новгородских по своей земле.

Объединение русских земель вокруг Москвы началось. Но – медленно, с перерывами, с появлением новых претендентов на великое княжение, с продолжающимися поклонами в сторону Золотой Орды. Большинству русских князей было трудно поверить в то, что этот колосс, когда-то подмявший под себя Русь, доживает последние годы.

Пожалуй, и сам Дмитрий Иванович не был до конца уверен в том, что татаро-монгольскому владычеству на Руси приходит конец. Но, в отличие от многих других князей, делал все, чтобы этот конец приблизить. Парадоксально, но факт: помогли ему в этом... сами ордынцы, решившие во что бы то ни стало взять реванш после унижительного поражения на реке Вожа.

Мамай собрал новое войско со значительным привлечением наёмников: генуэзцев, черкесов, аланов. Традиционно ожидая, что князь Дмитрий развернет основные рубежи обороны на Оке, Мамай планировал соединиться со своими союзниками – Ягайло Литовским и Олегом Рязанским – на её южном берегу. План оказался неудачным.

Собрав в Москве и Коломне значительные войска, Дмитрий Иванович оставил в Москве стратегический резерв и повел русских воинов навстречу Мамаю **за Оку**, огибая рязанские земли с запада. При этом князь строго приказал не трогать рязанцев, которые были неповинны в политике своего князя.

По пути к Дмитрию присоединились союзники с восточных земель Великого княжества Литовского. Выйдя к Дону, Дмитрий принял решение перейти и его, чтобы сразиться с Мамаем до подхода его союзников.

О знаменитой Куликовской битве написано много и подробно. Хотя поэт Александр Блок, занимавшийся изучением русской истории, писал:

«Куликовская битва, принадлежит к символическим событиям русской истории... Разгадка их еще впереди».

Опыт минувшего века подтвердил гениальную прозорливость Блока. Скандально известный математик Фоменко «пересмотрел» характер, место и историческое значение именно Куликовской битвы, прежде чем перейти к остальным ключевым моментам истории России. Главная, как сейчас модно говорить, «фишка» состояла в том, что битва происходила вовсе не на поле Куликовом, а... в пределах современных границ нашей Первопрестольной.

Почему? Потому, что на Славянской площади Москвы сооружен храм Всех Святых, построенный на месте, где Дмитрий Донской когда-то заложил часовню в память жертв Куликовской битвы. А район, где стоит церковь, ранее назывался Кулишки (для ориентировки – нынешнее место расположения станции метро «Китай-город»). Следовательно, все историки просто морочили доверчивым читателям головы: Поле русской славы расположено вовсе не в Тульской области, а почти что под стенами Кремля. На что *«прямо указывают факты (какие?!) и некоторые летописи»*. И вообще Куликовская битва была не грандиозным столкновением усиливавшейся Руси с ослабевающей Ордой, а просто бандитской стычкой (?!) то ли между двумя монгольскими племенами, то ли между русскими князьями.

Вот так. Сенсация, разумеется, состоялась. И никто не смог получить возможность внятно сказать читателю, что никаких «некоторых летописей» о битве на Кулишках просто не существует. Что есть пространное упоминание о Куликовском сражении даже у двух прусских хронистов, современников того события – Иоганна Пошильге и Дитмара Любекского. Что помимо местных русских летописей (например, Никоновской) сохранился такой грандиозный историко-литературный памятник, как «Задонщина». Что о Куликовской битве писали Ломоносов, Державин, Озеров, Жуковский, Рылеев, Бунин, Гумилёв, Ахматова, Блок, Тарковский, Чивилихин...

Все заблуждались или были намеренно введены в заблуждение фальсификаторами истории, а математик Фоменко не побоялся во всеуслышание сказать правду. Свою. Основанную на мощном фундаменте совпадения названий битвы и одного из районов Москвы.

Но, как говорится, зерно упало в добрую почву. С того же телеэкрана прозвучало заявление одного видного исламского деятеля:

«Только благодаря политической воле золотоордынских ханов началось собирание разрозненных русских княжеств вокруг Москвы... Можно согласиться с мнением выдающегося российского историка XIX века Карамзина, который сказал: „Москва обязана своим величием хану“. Это касается и России в целом».

Цитата вырвана из контекста, как говорится, «с мясом». Если обратиться к самому потомку Черного мурзы (а именно так трактуется фамилия Карамзина), к его «Истории государства Российского», тому 5, то можно прочесть совсем иное.

«Нашествие Батыево испровергло Россию. Могла угаснуть и последняя искра жизни... Россия, обширный труп после нашествия Батыева... Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу... Мы видели злодеяния и в нашей древней Истории: но сии времена представляют нам черты гораздо ужаснейшего свирепства в иступлениях...»

Как-то не очень похоже на благодарность золотоордынцам за триста лет их господства на Руси.

Другой известный историк, Василий Ключевский, отметил, что *«за Дон переправлялся московский князь Дмитрий, а с Куликова поля возвращался Русский государь... Выросло целое поколение воинов и политиков, не знающих трепета перед Ордой, закаленное в битвах и схватках за власть. И, конечно, они помнили подвиги предков, горечь прошлых поражений...»*

Но оставим именитых историков и тех, кто пытался «пропиариться» на создании собственной истории государства Российского – парадоксальной и недоказанной. Вернемся к собственно истории.

17 сентября Православная церковь чествует икону Пресвятой Богородицы «Неопалимая Купина» – одну из самых почитаемых икон на Руси. На ней Пресвятая Дева изображена в середине горящего куста в ознаменование того, что Она, родив, сохранила девство и осталась неопалимой. По преданию, эта икона оберегает дом от пожаров: «Чистая, не опали!»

Тогда, в 1380 году, когда занимался пожар невиданной битвы с отсветами славы, в этот день войско Дмитрия остановилось в урочище Березуй – ныне деревня Берёзовка Новомосковского района Тульской области. От нее до берега Дона было – два дневных перехода войска с обозами. Здесь к общерусскому войску 18 сентября, на день пророка Захарии, присоединились литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи со своими дружинами.

Вот как описан этот приход в «Задонщине»:

«И молвит Андрей Ольгердович брату своему Дмитрию: «Оба мы, два брата, сыновья Ольгердовы, а внуки Гедиминовы, а правнуки Сколомедовы. Соберем братью милую, панов удалой Литвы, храбрых удалцов, и сами сядем на борзых своих коней, посмотрим быстрого Дона, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а пики немецкие о кольчуги басурманские».

Так что далеко не вся Великая Литва готова была выступить против Москвы.

Проделав за одиннадцать дней почти двухсоткилометровый путь от Коломны до Дона, русская армия 20 сентября 1380 года переправилась через реку, отрезав пути для отступления, и выстроилась в боевом порядке на Куликовом поле между Доном и речкой Непрядвой.

Большой полк, полки правой и левой руки возглавил сам московский князь. Причем состояла эта рать из малоопытных, наскоро обученных воинов Московии. Перед ними стояла задача принять на себя удар главных сил неприятеля и связать их в кровопролитном сражении. Перед битвой, по преданию, князь надел одежду простого воина, а свои дорогие доспехи отдал любимому боярину Бренку. Это был знак войску: князь не пал, пока сражается последний воин!

Ранним утром 21 сентября – в день Рождества Богородицы – в подлинный День России грянула битва. Первая ее разведка – яростная атака степняков на русский авангард. Князь Дмитрий Иванович, хорошо знавший тактику противника, из состава передового полка выдвинул вперед сторожевой полк под командованием Семёна Оболенского и Ивана Тарусского.

Ордынские конные лучники, еще до главного сражения кинувшиеся вперед, чтобы осыпать стрелами русский строй и посеять здесь панику, были встречены сторожевым полком далеко в поле и отбиты. Отбиты ценой гибели почти всего полка. Так было выиграно начало битвы. Дальнейший ее ход хорошо известен. Как известно и то, что Куликовская битва стала поворотным пунктом в борьбе русского народа с игом Золотой Орды. Как известно и то, что русское войско на битву с Мамаем благословил преподобный Сергей Радонежский.

Да, Куликовская битва не привела к ликвидации татаро-монгольского ига на Руси, однако победой в ней был нанесен сильнейший удар по господству Золотой Орды, ускоривший ее последующий распад. Вторым важным следствием Куликовской битвы было усиление роли Москвы в образовании Русского единого государства. Уже в следующем году тверской князь Олег признал себя «младшим братом» московского князя и обязался следовать московской политике, в том числе, в отношениях с Великим княжеством Литовским. Союз с другим князем был скреплён родственными узами – дочь Дмитрия Донского – Софья была выдана замуж за сына Олега Рязанского – Фёдора.

Но до окончательного падения господства Орды было еще далеко. Мамай собрал остатки войск для похода на Москву «изгоном», но был разгромлен ханом Тохтамышем, овладевшим престолом Золотой Орды. Мамай бежал в Крым, где и был убит своими союзниками из Генуи.

Ещё в 1381 году Тохтамыш отправил в Москву посла звать Дмитрия в Орду, но Дмитрий отказался платить дань и ехать на поклон к новому хану. Тогда Тохтамыш, собрав войско, в 1382 году двинулся на Русь. И хрупкое еще единство русских князей угрожающе затрещало.

К Тохтамышу присоединился суздальский князь, другой князь указал ордынскому войску броды на Оке. И Москва оказалась в осаде.

Дмитрия Донского там не было – он в это время находился в Костроме. Митрополит Киприан с великой княгиней Евдокией и княжескими детьми уехал в Тверь, а в самой Москве начался мятеж.

Однако потом осажденные поддались на уговоры ордынцев, 26 августа открыли ворота и крестным ходом вышли из Москвы. Увы, все посулы оказались ложными: Москва была полностью сожжена, жители перебиты или уведены в плен, были разгромлены и другие города. С тех пор и прижилась на Руси поговорка: «словно Мамай прошел». Почему Мамай, а не собственно Тохтамыш – неизвестно, зато известно, что народ зря говорить не будет.

Воспользовавшись ослаблением Москвы, тверской князь Михаил, «забыв» клятву, в очередной раз отправился в Орду за ярлыком на великое княжение. Он опоздал: испугавшись собственного слишком уж жестокого набега на Москву, ордынцы объявили великое княжение наследственным владением московских князей.

Цель была достигнута, хотя плата за эту победу была очень высокой. Но победителей действительно не судят, даже если они и совершали не всегда благовидные поступки.

Всем известно, что князь Дмитрий Донской был канонизирован православной церковью. Известно также и о том влиянии, которое имел на князя преподобный Серафим Саровский, и о той неоценимой помощи, которую он оказал делу «собрания земель русских». Но отношения московского великого князя с другими служителями церкви были далеко не безоблачны.

Выше уже говорилось о том влиянии, которое оказывал на юного князя и государственные дела Митрополит Алексей. После смерти святителя Алексия преподобный Сергей Радонежский предлагал великому князю Дмитрию избрать на митрополичью кафедру суздальского епископа Дионисия. Но князь пожелал иметь митрополитом своего духовника Новоспасского архимандрита Михаила.

По прямому повелению князя Михаил был избран митрополитом в Москве собором епископов. Святитель Дионисий смело выступил против великого князя, указав ему на то, что поставление первосвященника без воли Вселенского патриарха будет незаконно. Пришлось новому митрополиту ехать за благословением патриарха в Константинополь, а Сергию Радонежскому – смириться с волей великого князя.

Дионисий, однако, не смирился и сам собрался ехать в Константинополь сам, но был задержан по приказу великого князя и взят под стражу. Желая освободиться, Дионисий поклялся не ехать к патриарху, а поручителем его перед князем Дмитрием стал преподобный Сергей. Увы, получив вожаемую свободу, Дионисий тут же отбыл в Грецию, а вся тяжесть великокняжеского гнева обрушилась на его поручителя. И не только на него.

Дмитрий отказался принять литовского митрополита Киприана (княжеская дружина ограбила митрополита и непустила его в Москву), за что князь и его люди в 1378 году были специальным посланием Киприана отлучены от церкви и прокляты. Однако, это не помешало высшему духовенству Великого княжества Литовского выступить в Куликовской битве на стороне Дмитрия. Более того, после Куликовской победы и вплоть до нашествия Тохтамыша Киприан находился в Москве.

Возвращение Киприана в Москву в 1389 году было приурочено к новому сближению двух великих княжеств: в 1390 году Киприан венчал в Москве сына Дмитрия Донского Василия и литовскую княжну Софию Витовтовну. Подробнее об этом браке и детях от него написано в моем очерке «Мать слепого князя».

И все-таки летописцы единодушно отмечают благочестие, незлобивость и целомудрие великого князя Московского, дружно забыв о его разногласиях с православными иерархами.

Около тридцати лет великий князь Дмитрий правил Московским княжеством. За эти годы он стал общепризнанным главой антиордынского движения в русских землях, первым

собирателем русских земель под своим единоначалием. При нем родилась идея сильной великокняжеской власти Москвы. Под ее правление перешло великое княжество Владимирское, присоединились такие города как Углич, Дмитров, Галич, Белоозеро, костромские и стародубские земли.

Дмитрий поддерживал дружеские связи с православной Византией, но оставался независимым от Константинополя. В Москве при его содействии был построен белокаменный Кремль, были возведены монастыри-крепости (Симонов, Андроников), прикрывавшие подступы к центру города, расширялись улицы, возводились новые церкви и дома, раньше, чем в других землях, начали чеканить серебряные монеты...

И все-таки, по мнению историка Костомарова, «...княжение Дмитрия Донского принадлежит к самым несчастным и печальным эпохам истории многострадального русского народа. Беспрестанные разорения и опустошения, то от внешних врагов, то от внутренних усобиц, следовали одни за другими в громадных размерах...»

Да, правление Дмитрия Донского было непростым. И хоть междоусобица продолжалась, князья по-прежнему хотели править по собственному разумению и не подчиняться Москве, Дмитрию Донскому удалось объединить разрозненные русские земли. Он неустанно повторял заповедь, данную ему митрополитом Алексием, что сила русских князей против татарской Орды в единстве и выжить можно только сообща. Поддерживая дружеские связи с православной Византией, Дмитрий упорно добивался признания независимости русской православной церкви от Константинополя.

У Дмитрия Донского было восемь сыновей и четыре дочери. Умер он очень молодым (не дожив до сорока лет) и великое княжение завещал старшему сыну Василию. При этом разрешение у Золотой Орды не спрашивал.

Похоронен он в Архангельском соборе Кремля. После смерти князя его супруга княгиня Евдокия заложила в Москве Донской монастырь.

Дмитрий Донской был причислен к лику святых на Поместном соборе Русской Православной Церкви спустя шестьсот с лишним лет после Куликовской битвы – в 1988 году. Но за эти несколько столетий имя московского великого князя стало символом русской воинской славы. И уже совсем недавно, в 2002 году был учрежден Орден «За служение Отечеству» в память святого великого князя Дмитрия Донского и преподобного игумена Сергия Радонежского.

День памяти Дмитрия Донского церковь отмечает 1 июня. Потомство же сохранило о нем память как о победителе татар и ниспровергателе ордынского ига.

Служебница Елена

Окончательное освобождение русских земель от власти ордынских ханов, образование единого Русского государства незамедлительно сказались на восстановлении его международного престижа. Прежде всего, это касалось возобновления династических брачных союзов. Западные государи охотно засылали сватов к русским великим князьям

Зарубежные источники восхваляют ум и образованность русских княжон и княгинь – «История датских королей», «Хроника Гельмольда», «Записки о московских делах» С. Герберштейна и др. Европейские принцы и короли признавали обаяние русских женщин, и даже посвящали им поэтические произведения.

Письма русских князей того времени содержат много добрых слов любви и уважения, обращенных к матерям, женам и дочерям, которым многие князья и бояре предоставляли в своих уделах равные права, позволяли поступать «како им любо», как «восхощет» мать или жена, уповая на их мудрость.

Женщин привилегированного сословия на Руси отличала высокая для того времени степень культуры, что и делало возможным их участие в государственных делах, в управлении своими землями. Многие из них знали не только родной язык, но и греческий, а также другие иностранные языки, математику, философию, астрономию, обучались риторике и «врачебным хитростям».

Русские по происхождению королевы по грамотности и образованности могли соперничать со своими мужьями в других государствах. Только это не всегда приносило им счастье в личной жизни.

Ярчайший пример – брак дочери Великого князя Московского Ивана Васильевича (Ивана Третьего) Елены с Александром Ягеллончиком, великим князем литовским.

Елена была старшей дочерью от второго брака Ивана III – великого князя Московского и всея Руси, вступившего на престол в 1462 году, и греческой деспины Софьи Палеолог. В российскую историю Иван III вошел как мудрый политик и собиратель земель вокруг Москвы. Во время его правления были присоединены Ярославское и Ростовское княжества, Новгород, Тверское великое княжество, Вятская земля, окончательно свергнуто татаро-монгольское иго (1480).

Отношения Ивана III и Великого княжества Литовского (в состав которого входили и белорусские земли) при великом князе Казимире Ягайловиче были отнюдь не мирными. Литва поддерживала против Москвы Великий Новгород и Тверь, поднимала в набеги татар.

В 1492 году Казимир умер, и Великое княжество Литовское избрало себе князем его сына Александра, отделившись от Польши. Иван III воспользовался этим и начал войну против Литвы за «отчину» – то есть за восточные литовские земли, некогда входившие в состав Киевской Руси.

Силы были примерно равны, решающего успеха не могла добиться ни одна из воюющих сторон, поэтому спустя два года в Москве между ней и Литвой был подписан договор о вечном мире. Литва соглашалась на передачу в состав Московского государства Вязьмы, Козельска, Мещеры, Мстиславля, Перемышля, Рославля, Тарусы, отказывалась от претензий на Новгород Великий, Псков, Тверь, Рязань, а также формально уступила Ивану III земли православных князей, перешедших на сторону Москвы. Великий князь Литовский Александр признал за Иваном Васильевичем право на титул «Государя всея Руси».

Символом окончательного примирения двух государств должен был стать брак княжны Елены с великим князем литовским Александром. Мнения княжны никто не спрашивал: в те времена, родители вольны были решать вопросы о браках своих детей, даже не ставя их

в известность о готовящемся сватовстве: молодые впервые видели друг друга только во время венчания.

С литовской стороны, брак должен был скрепить необходимый ей мир с Иваном III, русская же сторона рассчитывала этим шагом предотвратить уничтожение самостоятельной православной церкви в Литве. Заключая брак, Александр обязывался не принуждать Елену к переходу в католицизм. Благодаря этому Елена Ивановна могла бы стать покровительницей православных в литовском государстве.

Но фактически русская княжна становилась заложницей политических игр сильных мира сего, поскольку католическая церковь в Литве набирала силу и власть, а примерно две трети подданных княжества оставались православными и терпели гонения и притеснения. Молодая княгиня должна была стать им опорой и поддержкой, сама опираясь только на силу собственного духа. Кстати, ее отец это прекрасно понимал.

«И хоти будет тебе, дочка, про то и до крови пострадати, и ты бы пострадала, а того бы еси (измены православию) не учинила», – наказывал Иван III Елене перед ее отъездом в Литву. Ибо обращение Елены Ивановны в католическую веру привело бы к ослаблению ее связей с Москвой, что не входило в планы Ивана III. Хотя для самой молодой княгини это было бы существенным облегчением жизни в чужой стране, ее вполне сознательно обрекли на множество страданий и унижений, вместо подобающих ей почестей и спокойной жизни.

Бракосочетание состоялось в 1496 году, причем обряд венчания происходил дважды: сначала по православному чину, а затем – по католическому. Так что и в замужестве Елена Ивановна осталась в «греческом законе», т. е. православной.

По договору, заключенному одновременно с бракосочетанием, в Литву вместе с княгиней Еленой прибыли некоторые знатные бояре и боярыни, но они вскоре были отосланы. Русская княгиня оказалась в Литве почти в полном одиночестве. Сближению с литовской аристократией мешало различие в вероисповедании, поменять которое Елена не хотела, помня о наказе отца.

«Полны меня в животе не будет, то и отца своего наказ забуду», – писала она отцу в одном из писем. Елена Ивановна сумела поставить себя в новой среде с тактом, присущим истинному политику, и с достоинством, соответствующим ее высокому рангу. Одному Богу известно, каких душевных сил это потребовало от молодой женщины.

Для того чтобы не отдалиться от московского двора, Елена Ивановна установила регулярную личную переписку и посылку «посольств» на родину, а великий князь всея Руси Иван III сообщал дочери о своих планах (*«тобе то да ведомо было»*)

«Служебница и девка» Ивана III, как Елена Ивановна сама себя первоначально называла в письмах и посольских речах, оставила о себе память как об умном политике и в русских актах, и в литовских метриках. Переписка литовского и московского дворов 90-х годов XV в. позволяет говорить о влиянии Елены Ивановны на решение важных для России внешнеполитических вопросов в нужном для Ивана III направлении.

Уже осенью 1497 года Елена пожаловалась отцу, что муж не наделил ее желаемыми властями и ей пришлось на собственные, полученные в приданое деньги покупать имение Жагоры. Иван III рекомендовал дочери быть настойчивее в своих просьбах к мужу, касающихся земельного имущества (*«и ты говорила бы с ним от себя, а не моею речью»*), и требовал от нее точной информации о результатах этого дела (*«мне бы еси во всем отказывала»*).

Елена была умной, тактичной и самостоятельной женщиной, но все эти качества наталкивались на ожесточенную ненависть панской рады к «москвитке». Был еще один деликатный момент. Приданое, выделенное Великим князем дочери, было без преувеличения колоссальным: на него Великая княгиня литовская могла бы приобрести недвижимость всех литовских панов, включая собственного супруга. Ей принадлежали многочисленные имения и хозяйства, а на имевшиеся у неё средства она оказывала деятельную поддержку православным, внося

большие пожертвования на церкви и монастыри. А вот литовская казна была пуста, да и католическая церковь, забыв о приличествующем смирении, зарилась на богатства «схизматиков».

Поскольку в Литве предпринимались попытки осуществить унию между католиками и православными, для католического клира было важно добиться поддержки Елены по этому вопросу, что бы повысило престиж унии в глазах населения. Католический епископ виленский Войтех Табор, а также бернардинцы пытались склонить Елену к отступлению от православия, однако она отвечала, что не может сделать этого без согласия отца. Особенно сильное давление оказывал папа Александр VI, требовавший от великого князя литовского, чтобы тот в случае отказа жены отвергнул её и даже чтобы, конфисковав имущество, её предали церковному суду.

Александр эти требования не выполнил – он, по-видимому, был сильно привязан к своей супруге и не отличался к тому же религиозным фанатизмом. Единственное, что его заботило – это легитимность будущего наследника, рожденного православной матерью. Княгиня была красива – это признавали даже ее недоброжелатели – и желанна для любого мужчины. Но брак Елены с Александром оставался бездетным, что позволило некоторым польским историкам сделать «неопровержимые умозаключения»: фактических супружеских отношений не было, княгиня так и осталась девицей, поскольку князь *«привержен был винопитию и к исполнению супружеского долга неспособен»*.

Маловероятно, поскольку даже католическая церковь мгновенно давала разрешение на расторжение подобных браков. Кроме того, отец Елены вряд ли стерпел бы подобное обращение со своей дочерью – это считалось оскорблением девицы и всей ее семьи. Зато подобная версия давала польским историкам возможность хотя бы задним числом очернить литовского князя, женившегося на «схизматичке», а заодно опозорить и Елену Ивановну. А поскольку проверить, был ли князь способен к супружеской жизни, спустя десятилетия и века было невозможно, версия продолжает невозбранно гулять по страницам многих и многих исторических трудов.

На самом деле между супругами сложились хорошие, приятные, чуть ли не любовные отношения. Известно, что летом 1495 года Елена выступила в поддержку мужа, просившего у Ивана III помощи против Менгли-Гирея. Вместе с Александром она нанесла свой первый визит в Минск. Княгиня всячески поддерживала православие в Литве: украсила в Вильно посещаемую ею Покровскую церковь, подарила одно из своих владений Пречистенскому монастырю.

Но стойкая верность Елены православной вере раздражала окружение ее мужа. Положение ее затруднялось тем, что, с одной стороны, католическое духовенство настаивало на принятии ею «латинства», с другой – Иван требовал от зятя постройки для жены греческой церкви. Александр наотрез отказал, ссылаясь на законы предков: «церквей греческих не прибавлять», и удалил из окружения супруги всех православных.

Узнав об этом, в 1499 году подьячий Шестаков обратился с письмом к князю Оболенскому, Вяземскому наместнику:

«Здесь у нас, – писал он, – смута большая между латинами и нашим христианством; в нашего владыку Смоленского дьявол вселился, да в Сапегу тоже. Встали на православную веру. Великий князь неволит государыню нашу, великую княгиню Елену, в латинскую проклятую веру. Но государыню нашу Бог научил, да помнила науку государя-отца, и она отказала мужу так: „Вспомнись, что ты обещал государю, отцу моему, а я без воли государя, отца моего, не могу этого сделать. Сделаю, как меня научит“. Да и все наше православное христианство хочет окрестить; от этого наша Русь с Литвою в большой вражде».

Разгневанный Иван III в 1500 году начал против зятя войну. Елена отправила отцу письмо, в котором укоряла его за нарушение мирного договора. В 1501 году великий князь Александр после смерти брата был избран и королем Польским. Елена Ивановна практически стала королевой Польской. Правда, так и не была коронована, ибо для этого был неизбежен

переход в католичество: коронованную схизматичку на польском престоле никто бы не потерпел.

Не присутствовала она и при коронации мужа, состоявшейся в декабре 1501 года, но, несмотря на это, отношения между «разноверными» супругами по-прежнему оставались теплыми. Вместе с Еленой Александр объехал польские земли, показывая тем самым, что она фактически стала королевой Польши.

Дабы соответствовать новому статусу, в подарок от отца Елена Ивановна получала очень дорогие меха. Сохранилось письмо Ивана III к дочери:

«Приказывала ты ко мне о горностаях и о белках. И я к тебе послал 500 горностаев и 1.500 подпален. Приказывала ты еще, чтоб прислать тебе соболя черного с ногами передними и задними и когтями: как нам привезут, мы тебе пошлем сейчас же».

А любящий супруг презентовал ей земли возле Минска, Гродно, а также в Виленском и Трокском воеводствах.

Королева Польши щедро дарила свои земли православным церквям и обителям. Она часто приезжала в Минск, где поддерживала Вознесенский монастырь. (Спасо-Вознесенский православный монастырь был основан в XIII веке на Троицкой горе, примерно на том месте, где ныне находится здание Министерства обороны). Ему в 1502 году она передала свое имение Тростенец.

Между тем война с Московским государством продолжалась. Однако, несмотря на военные действия, Иван III обратился к Елене за помощью, решив женить сына Василия – будущего великого князя Василия III – на иностранной принцессе, да и младшим сыновьям подобрать «заграничных» супруг.

Он писал дочери:

«Сын мой Василий и дети мои Юрий и Димитрий, твои братья, уже до того доросли, что их следует женить, и я хочу их женить, где будет пригоже».

Так ты бы, дочка, разузнала, у каких государей греческого закона или римского закона будут дочери, на которых было бы пригоже моего сына Василия женить?»

Через некоторое время, Елена прислала отцу письмо:

«Разведывала я про детей деспота сербского, но ничего не могла допытаться. У маркграфа бранденбургского, говорят, пять дочерей: большая осьмнадцати лет, храма, нехороша; под большею четырнадцати лет, из себя хороша (парсуною ее поведает хорошу). Есть дочери у баварского князя, каких лет – не знают, матери у них нет. У стетинского князя есть дочери, слава про мать и про них добра. У французского короля сестра, обручена была за Альбрехта, короля польского, собою хороша, да храма и теперь на себя чепец наложила, пошла в монастырь. У датского короля его милость батюшка лучше меня знает, что дочь есть...»

На просьбу московского посла узнать об этих и других возможных невестах подробнее, Елена ответила:

«Что ты мне говоришь, как мне посылать? Если бы отец мой был с королем в мире, то я послала бы. Отец мой лучше меня сам может разведать. За такого великого государя кто бы не захотел выдать дочь? Да у них, в Латыни, так крепко, что без папина ведома никак не отдадут в греческий закон. Нас укоряют беспрестанно, зовут нас нехристями. Ты государю моему скажи: если пошлет к маркграфу, то велел бы от старой королевы (т.е. свекрови Елены) таиться, потому что она больше всех греческий закон укоряет».

Так что попытки Ивана III стать вторым Ярославом Мудрым и породниться с многими иностранными государями ожидаемого результата не принесли. А старший сын Василий и вовсе заявил о том, что желает вступить в брак только с русской, и со временем женился на первой красавице Руси – Соломонии Сабуровой.

Но неудача в брачной дипломатии компенсировалась военными успехами. Русские войска разбили литовцев и их союзников, ливонских рыцарей, на Ведроше и под Мстиславлем.

Через короля Венгрии Владислава Литва запросила мира, и Иван III согласился. По перемирию России возвратили земли на реках Сож и Днепр, 19 городов и 70 волостей. Подписывая в 1503 году мирный договор, Иван Васильевич потребовал, чтобы зять больше не смел принуждать дочь к своей вере, построил бы для нее церковь и окружил православными слугами, добавив:

«А начнет брат наш дочь нашу принуждать к римскому закону, то пусть знает, что мы ему этого не спустим, – будем за это стоять, сколько нам Бог пособит».

Иван Васильевич был силой, с которой приходилось считаться. Мир, за который ратовала Елена Ивановна, был восстановлен в 1503 году. Переписка Ивана III с дочерью стала интенсивнее, но в эпистолярных обращениях Елены к отцу произошла разительная перемена: *«служебница и девка»*, не смевшая ранее шагу ступить самостоятельно, не спросив совета отца, постепенно превратилась в уверенную в себе королеву.

Искусство ее обхождения с кардиналами и прелатами во время посещения ею Европы отмечено в документах. Иван III признал и оценил становление Елены как политика. Его послы все чаще стали обращать к ней свои особые «тайные речи о «делах политических», прислушиваться к ее мнению о состоянии внешнеполитической конъюнктуры.

В 1505 году Папа Юлий II разрешил Александру жить с иноверной супругой *«в ожидании смерти ее отца, уже очень старого, или какого-нибудь другого обстоятельства»*. И, действительно, в том же году Иван III Васильевич умер, и московский престол перешел к брату Елены – Василию (отцу Ивана Грозного).

Во всех делах, не касающихся религии, королева Польши всячески помогала мужу. Она поддержала его в борьбе со шляхтой за централизацию власти. В 1506 году, когда Александр был смертельно болен, она находилась вместе с ним в Лидском замке, где создавалось ополчение против татар.

Но дни ее любимого супруга были сочтены, и в том же году он умер. В решении судьбы польского престолонаследия решил принять участие и Василий III, который в тайном послании просил Елену уговорить «панство» избрать его королем Польши. Таким образом, земли Литвы, Польши и России были бы объединены. Увы, это так и осталось мечтой.

Польские магнаты, обладая колоссальным гонором, но весьма стесненные в средствах, были прекрасно осведомлены об огромных богатствах русского царя и боялись, что он просто-напросто переманит к себе большую часть польской шляхты, служившей панам более «из чести», нежели за деньги. Кроме того, сама мысль о том, что польский трон достанется схизматику, была непереносимой.

Королем Польши был избран брат Александра Жигимонт (Сигизмунд), получивший опеку над Еленой Ивановной. Следуя завещанию мужа, она поддержала новую власть, и Жигимонт подарил ей города Брянск и Бельск.

Великий князь Василий беспокоился о судьбе сестры, и предупредил послов короля Жигимонта, прибывших для заключения перемирия, чтобы вдовствующую великую княгиню не принуждали к переходу в католичество. Самой же Елене Василий писал:

«...А ты бы, сестра, и теперь помнила Бога и свою душу, отца нашего и матери наказ, от Бога душою не отпала бы, от отца и матери в благословении не была бы и нашему православному закону укоризны не принесла».

Но время шло, и отношения России с Литвой вновь ухудшились.

В 1507 – 1508 годах опять вспыхнула война, причины которой были непонятны, а результаты – мизерными.

Около 1511 года 35-летняя Елена решила вернуться в Москву. Рудзкий отмечает, что в Вильне овдовевшая королева чувствовала себя одиноко, тогда как в Москве проживала ее родня. Жигимонт поначалу попытался воспользоваться влиянием вдовствующей королевы на брата Василия, чтобы нейтрализовать мятежного Глинского и примкнувших к нему феода-

лов, но после того, как Василий принял и обласкал мятежника, новый польский монарх полностью охладел к Елене.

В 1512 году началось очередное сражение за Смоленск. В этом же году Елену схватили в Вильно и отвезли в Троки, а затем в Биришаны (местечко под Ковно). Предварительно у королевы отобрали казну в подведомственных ей городах и волостях.

Василий III написал гневное письмо Жигимонту и получил вот такой ответ:

«... У сестры твоей, нашей невестки, казны, людей, городов и волостей не отнимали... В Троки и Биришаны не увозили и бесчестья никакого не наносили ...только сказали ей, с нашего ведома, чтоб ее милость в Браславль не ездила, а жила бы по другим своим городам. Мы к невестке нашей относимся с большим почетом, к римской вере ее не принуждаем и не будем принуждать, городов и волостей не только не отнимали, которые дал ей брат наш Александр, но еще несколько городов подарили».

Действительно, после этого какое-то время Елена вновь распоряжалась в своих землях. Но ее уже ждали новые гонения, поводом для которых послужил неудачный поход брата на Смоленск. Королеву вновь отослали в Биришаны.

В 1513 году, после того как Елена вновь потребовала возвращения своего имущества, ей передали 40 золотых кубков. Буквально через несколько дней 37-летняя королева неожиданно скончалась. В своей хронике Ян Комаровский записал, что Елена была отравлена ключником по приказу посягавшего на её богатства Николая Радзивилла. Рудзкий указывает на то, что другие источники не подтверждают эту информацию. Впоследствии богатства Елены достались королеве Барбаре Запольи. Сигизмунд встретил известие о смерти Елены с облегчением, заметив в письме к краковскому епископу, что её кончина избавила государство от многих забот.

Похоронили Елену Ивановну в Пречистенском монастыре в Вильно холодным январским днем 1513 года.

Одни боготворили ее за стойкость в православной вере, другие ненавидели за то же и считали шпионкой Москвы.

С именами Елены и ее мужа Александра связывают икону Николая Гостунского, некогда очень почитаемую православными. По одной из легенд, образ был принесен из Гостынского замка в Литве в 1506 году. Тогда же в Кремле царь Василий III специально для нее построил церковь. Известно доподлинно, что все последующие цари весьма почитали этот образ и храм пользовался особыми милостями царственных особ.

«Девка-служебница» осталась в веках мудрой государыней-правительницей, стойко державшейся православной веры и боровшейся за облегчение гнета своих единоверцев на литовских и польских землях.

Основатель династии Романовых

Как ни странно, об основателе династии, правившей в России более трехсот лет, известно очень мало. В смысле, известно широкой публике: хотя документов – русских и иностранных – сохранилось предостаточно, серьёзных исторических трудов почти нет. Во всяком случае, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1896 год) упоминает только монографию Берха «Царствование Михаила Федоровича» (1832 год), но рекомендует пользоваться ею с большой осторожностью.

Эта личность также не заинтересовала всерьез ни историков, ни писателей, хотя в судьбе Михаила Федоровича, вступившего на российский трон шестнадцатилетним отроком, было много интересного и драматичного. О личной жизни этого царя вообще как-то не принято говорить: считается, что он женился через пару лет после коронации и мирно прожил в счастливом браке до конца жизни, произведя на свет полдюжины детей.

Но все это совершенно не соответствует действительности. Драматизма и даже трагичности в жизни первого Романова было более, чем достаточно. Что же касается «захудалости» его рода, то и это, мягко говоря, не соответствует действительности: Михаил был двоюродным братом последнего царя из династии Рюриков и первым законным претендентом на трон.

Впрочем, обо всем по порядку.

Смутное время было, пожалуй, тяжелейшим периодом в истории России. Началось оно с того, что пресеклось **мужское колено** потомков Ивана Калиты – Рюриковича – и за следующие пятнадцать лет на российский трон сыскалось чуть ли не десять претендентов, законных, полузаконных и незаконных. Уже казалось, что России пришел конец, многие исконно русские территории были захвачены соседями, количество воровских и разбойничьих шаек не поддавалось учету, а голод стал почти привычным даже для горожан.

По версии советской историографии, отчаявшиеся россияне сделали царем **самого ничтожного и худородного** из бояр, совсем еще мальчишку, абсолютно ничего не смыслящего в искусстве управления страной, дабы иметь на престоле **куклу**, которой можно было бы вертеть по своему усмотрению. Если даже это и так, то бояре жестоко просчитались: за «куклой» стоял отец Михаила, мудрый и гибкий политик, патриарх Филарет. Но на самом деле третий «выборный» царь в истории России был действительно всеобщим избранником.

Впрочем, в оценке первого Романова и российские историки были не слишком объективны. Историк Н. И. Костомаров писал следующее:

«Близ молодого царя не было людей, отличавшихся умом и энергией: все только одна рядовая посредственность. Прежняя печальная история русского общества приносила горькие плоды. Мучительства Ивана Грозного, коварное правление Бориса, наконец, смуты и полное расстройство всех государственных связей выработали поколение жалкое, мелкое, поколение тупых и узких людей, которые мало способны были стать выше повседневных интересов. При новом шестнадцатилетнем царе не явилось ни Сильвестра, ни Адашева прежних времен. Сам Михаил был от природы доброго, но, кажется, меланхолического нрава, не одарен блестящими способностями, но не лишен ума; зато не получил никакого воспитания и, как говорят, вступивши на престол, едва умел читать».

И вот этот малограмотный ребенок, а потом богомольный примерный семьянин, ничего не смысливший в государственных делах, за годы своего правления добился:

Заклучения «вечного мира» со Швецией (Столбовский мир 1617 г.). Границы, установленные Столбовским миром, сохранялись до начала Северной войны 1700—1721 г. Несмотря

на потерю выхода к Балтийскому морю, возвращены большие территории, ранее завоёванные Швецией.

Деулинского перемирия (1618 г.), а затем «вечного мира» с Польшей (Поляновский мир 1634 г.), подписывая который, польский король отказывался от претензий на русский престол.

Установления прочной централизованной власти на всей территории страны посредством назначения новых воевод и старост на местах.

Преодоления тяжелейших последствий Смутного времени, восстановления нормального хозяйства и торговли, то есть – экономики.

Присоединения к России нижнего Урала (Яицкие казаки), Прибайкалья, Якутии и Чукотки, выхода к Тихому океану.

Реорганизации армии в 1631—1634 годах, заключавшейся в создании полков «нового строя»: рейтарского, драгунского, солдатского.

Основания чугуноплавильных, железоделательных и оружейных заводов под Тулой в 1632 году.

Подготовки с 1621 года дьяками Посольского приказа **специально для царя** первой русской газеты – «Вестовые письма».

Основания Немецкой слободы в Москве – поселения иностранных инженеров и военных специалистов. Менее чем через 100 лет многие жители «Кукуя» сыграют ключевую роль в реформах Петра I Великого.

Правда, Ногайская Орда периодически совершала набеги на южные рубежи России, хотя правительство Михаила Федоровича ежегодно посылало дорогие подарки в Бахчисарай. Но уже разворачивалось строительство Большой засечной черты, крепостей Симбирской и Белгородской.

Была восстановлена от последствий интервенции Москва (построены Теремной дворец, Филаретовская звонница, появились часы с боем в Кремле, основан Знаменский монастырь).

В 1620—1640-х годах были установлены прочные дипломатические отношения с Голландией, Турцией, Австрией, Данией, Персией.

С 1633 в Свибловой башне Кремля появились машины для подачи воды из Москвы-реки, а сама башня стала именоваться Водовзводной.

В Москве были созданы предприятия по обучению бархатному и камчатному делу – Бархатный двор. Впервые появились махровые садовые розы – на радость теремным затворницам, и быстро ставший «национальным напитком» чай.

Это – вообще отдельная сказка. В 1638 году царь направил своих послов в Сибирь с богатыми дарами к монгольскому правителю Алтан-хану. Тот встретил их с почестями. Во время знатного обеда гостей поили каким-то терпким горьковатым напитком. Посол доносил царю:

«Я не знаю, листья ли то, какого дерева или травы, варят их в воде, приливая несколько капель молока, и потом уже пьют, называется это чаем».

Провожая русских посланников, хан подарил царю связку пушнины – соболя, бобра, барса, изумительный чёрный атлас, вышитый золотом и серебром и 200 пакетов с надписью «бахча». «Чай для заварки» – так перевели царю эти слова. Лекарь испробовал действие отвара на заболевшем придворном. Тот выпил и подтвердил, что ему полегчало. Вот и стали лечить этим питьём царя и его приближённых, а потом незаметно чай из «элитного лекарства» превратился в самый распространенный на Руси напиток.

Так что может быть Петр Первый и прорубил окно в Европу, но «чертежи» для этой работы были тщательно составлены еще его прадедушкой. Может быть, стоит перестать говорить о никчемности Михаила Федоровича, как государя, о том, что он ровно ничего не сделал для России?

Но я забежала очень далеко вперед.

Прежде чем стать «первой семьей России» Романовы пережили немало бед. Существует устное предание, что Федору Никитичу Романову, отцу Михаила, царь Федор Иоаннович готов был передать свой престол, но... его занял Борис Годунов. Через какое-то время на Романовых поступил донос, что они хранят у себя волшебные корни и хотят умертвить колдовством царскую семью. Почти все Романовы были схвачены, а Фёдор, Александр, Михаил, Иван и Василий, были пострижены в монахи и сосланы в сибирские остроги, где трое из них приняли мученическую кончину. Насильственному пострижению подверглась и супруга Федора Никитича – Ксения Ивановна.

Будущего царя Михаила, которому шел шестой год, и его старшую сестру Татьяну отправили на Белоозеро с опальными тетками: княгиней Марфой и Анастасией. Ссылные терпели на Белоозере «тяжкую нужду», дети росли в очень суровых условиях. Достоверно известно, что пристава, наблюдавшие за содержанием опальных, часто отказывали им даже в молоке и яйцах для стола, а заботливые тетки не могли допроситься и куска холста, необходимого для белья детям.

Бесспорно, что «избранный самодержец» чувствовал в семействе Романовых своих ближайших и опаснейших конкурентов, буквально «наступающих ему на пятки», куда более родовитых и, наконец, имеющих такие же, как и он права на российский трон – если не бОльшие. Но жестокость расправы все-таки поражает.

Лишь через полтора года Борис Годунов дозволил матери детей, теперь инокине Марфе приехать на Белоозеро, а немного спустя разрешил белоозерским ссылкой переселиться в Юрьев-Польский уезд, в родную вотчину Романовых, село Клин.

После загадочной и скоропостижной кончины царя Бориса на Русь пришло «польское лихо». Можно сколько угодно гадать, был ли Самозванец действительно чудесно спасшимся царевичем Дмитрием или всего-навсего монахом-расстригой Гришкой Отрепьевым, но бесспорно одно: на московский трон сел царь, **во всех отношениях выгодный Польше**. Ведь не секрет же, что Дмитрий всерьёз собирался окатоличить Россию и что коронованная им царица Марина Мнишек вероисповедания не поменяла.

Но на участи Романовых это сначала отразилось скорее благотворно: желая доказать свою легитимность и близкое родство со знатным боярством, Лжедмитрий I в 1605 году вернул из ссылки оставшихся в живых членов фамилии. Были возвращены Фёдор Никитич (в монашестве Филарет) с женой (в монашестве инокиня Марфа) и детьми, и чудом выживший Иван Никитич. 9-летний Михаил встретился с родителями в Москве. Вскоре его отец, теперь уже монах Филарет, стал ростовским митрополитом и отбыл в свою епархию.

Между тем Лжедмитрий смог продержаться у власти чуть меньше года и был зверски убит в результате заговора среди знати. На престол вззошел еще один «самоизбранный царь» Василий Шуйский – один из наиболее знатных князей Рюриковичей. Но знатность происхождения ему мало помогла: для современников права Шуйского на московский престол выглядели более чем сомнительными, полякам он был совершенно не нужен.

Поэтому когда прошел слух, что «царь Дмитрий» чудесно спасся и вновь появился в Польше, под знамена нового самозванца собралось весьма многочисленное войско. Страна разделилась: одни были за царя Василия, другие – за Лжедмитрия II, который расположился недалеко от Москвы, в Тушино. Михаил вместе с матерью и сестрой в это время находился в Москве под покровительством царя Василия, а Филарет, волею или неволею, стал тушинским патриархом.

Борьба между царем и самозванцем шла с переменным успехом, пока не появилась третья сила. **Среди русской знати** возникла идея пригласить на престол польского королевича, восторженно воспринятая поляками. Царь Василий был свергнут с престола летом 1610 года и насильно пострижен в монахи, Лжедмитрий II бежал в Калугу, где был убит в конце того же года. Московский престол снова оказался пустым, смутные времена продолжались.

Во главе государства находились тогда семь бояр. Они постепенно приводили к присяге Владиславу население, впустили в столицу польские войска, арестовали Василия Шуйского и отправили его в Польшу, расхищали казну. Чем руководствовались эти люди, кто они были?

Да самые сливки русской аристократии: князь Фёдор Иванович Мстиславский, князь Иван Михайлович Воротынский, князь Андрей Васильевич Трубецкой, князь Андрей Васильевич Голицын, князь Борис Михайлович Лыков-Оболенский, боярин Фёдор Иванович Шереметев и боярин Иван Никитич Романов. (Последний, впрочем, скорее всего примкнул к остальным по совету своего многомудрого брата Филарета, который хотел везде иметь верных людей). Остальные же руководствовались нехитрой идеей: если русский трон не достанется мне, пусть его забирают поляки, лишь бы русскому не достался.

Фактически власть семибоярщины не распространялась за пределы Москвы: на западе от Москвы, в Хорошеве, встали поляки, а на юго-востоке, в Коломенском – вернувшийся из-под Калуги Лжедмитрий II. Его бояре особенно боялись, потому что он был, безусловно, популярен в народе. В результате было решено пригласить на престол польского королевича Владислава на условиях его перехода в православие.

В августе 1610 года был подписан соответствующий договор между боярами и Польшей, и Москва **целовала крест** Владиславу. Этого боярам показалось мало: в ночь на 21 сентября они впустили поляков в Кремль, а для переговоров с польским королем в Смоленск выехало посольство во главе с Филаретом.

Выяснилось, однако, что Владислав хоть и готов стать русским царем, но отказывается принять православие. Католик на русском престоле был просто немыслим – так считали послы, точнее, так считал Филарет, который и затягивал переговоры, сколько мог, пока терпение короля Сигизмунда III не истощилось.

Смоленское посольство было арестовано и отправлено в Польшу. Сам же король встал во главе своих войск, направлявшихся в Москву, чтобы силой захватить царский трон. В июне 1611 года Сигизмунд взял приступом Смоленск. Затем, 16 июля, шведы взяли обманом Новгород, который избрал себе в цари Филиппа, одного из сыновей шведского короля.

После взятия Смоленска и Новгорода Московское государство было на волосок от падения. Боярская дума была упразднена, когда поляки захватили Кремль. Но нашлись люди, которые стали стержнем объединения народа, грудью вставшего на защиту родной земли.

Прежде всего, это был патриарх Гермоген, который, по свидетельству летописца: *«яко столб неколебимо стоял среди Русской земли, стоял один противу их всех, аки исполин муж без оружия и без ополчения воинского»*. Громко раздавался голос святителя из Кремля, который в своих грамотах разным городам освобождал от присяги Владиславу и призывал к свержению иноземцев. *«И Русь ополчилась за веру, за свои святыни, за мощи, находившиеся в престольном Кремле»*.

Поляки принуждали Гермогена подписать грамоту к московским послам, чтобы они уступили воле Сигизмунда, но патриарх отказался. После этого Гермогена заключили под стражу в подземелье Чудова монастыря, куда спускали ему через окно хлеб и воду. Но к патриарху пробрался некто Родион Мосев и сообщил владыке, что подмосковное ополчение думает присягнуть Воренку (сыну Тушинского Вора и Марины Мнишек). Гермоген составил послание в Нижний Новгород и вручил его тому же Мосеву.

Получив патриаршую грамоту, протопоп Савва, собрав жителей в новгородском соборе, обратился к ним с речью, чтобы утвердиться на единении «очистить землю». Тут-то и ожило, наконец, национальное самосознание, которое испокон веков выручало русских людей в труднейшие времена. Мясник Кузьма Минин Сухорук сказал:

– Православные Люди! коли хотите помочь московскому государству, не пожалеем достояния нашего, дворы свои продадим, жен и детей заложим, станем челом бить, искать, кто бы вступился за истинную православную веру и стал бы у нас начальником.

Стали собирать приношения, давали «третью деньгу», то есть третью часть имущества. Набрав достаточно денег, начали искать воеводу. Выбор новгородцев пал на князя Дмитрия Пожарского, который жил в ста верстах от Нижнего в своей вотчине. Тот согласился с условием, чтобы кто-нибудь из посадских людей ведал хозяйственной частью ополчения, и указал на Минина.

Недостаток военной силы и денег заставил нижегородцев написать окружную грамоту к другим городам. На их призыв откликнулось много городов, и первым была Коломна. Когда известие о новом ополчении дошло до Кремля, то сидевшие там взаперти московские бояре увещевали народ грамотами в Кострому и Ярославль, быть верными Владиславу и грозили вместе с поляками патриарху, чтобы он убедил нижегородцев также остаться верными Польше. Но Гермоген был непреклонен и сказал:

– *Да будет над ними милость от Господа Бога и от нашего смирения благословление.*

Это были последние слова патриарха, которому поляки перестали спускать в подземелье пищу, и он 17 февраля 1612 года скончался мученически, голодную смертью.

Собранные войска первого ополчения отбросили армию польского короля и осадили Кремль, где находились правительство «семибоярщины» и их польские союзники. Среди осажденных находились и Михаил с матерью. Это было еще одно испытание, выпавшее на его долю.

Осада была длительной, запасы пищи в Кремле иссякли. Многие стали умирать от голода. Дело дошло до того, что ели засоленные в бочках трупы людей. Авраамий Палицын (келяр Троице-Сергиева монастыря, писатель и историк) писал, что когда Кремль освободили, то обнаружили *«множество трупы человека разсечены от человека до оных в сосудах лежащих»*.

Пожарский медленно продвигался к Москве, 14 августа 1612 года народное ополчение прибыло к Троице-Сергиевской Лавре, где было встречено архимандритом Дионисием, любимцем погибшего Гермогена, со всею братией и расположилось тут на последний стан перед Москвой.

Только в октябре 1612 года войска ополчения освободили Кремль. Михаил с матерью тут же уехали в свою вотчину – село Домнино около Костромы. Затем они переехали в Ипатьевский монастырь, спасаясь от козней и преследований со стороны поляков, которые видели в Романовых (точнее, в их сыне Михаиле) реальную опасность для своих политических планов.

Почему-то ни за кем на Руси поляки не гонялись с таким остервенением, как за «случайно выбранным», «никому не известным» юным боярским сыном Михаилом Романовым. Почему-то никого народ не укрывал от ляхов даже ценою собственной жизни, как легендарный Иван Сусанин. Разумеется, неграмотный крестьянин мог и не знать того, что было доподлинно известно советским историкам, и пожертвовал жизнь за случайного отрока. Не ведал ничего и другой – оставшийся безымянным – крестьянин, вскоре повторивший подвиг Сусанина вблизи Волоколамска. Потому-то Михаил и уцелел даже в самые страшные последние месяцы Смутного времени.

Царя выбирали «всем миром», причем посланные в разные города люди возвращались с одним и тем же известием: *«быть государем Михаилу Федоровичу Романову, а опричь его никак никого на государство не хотеть»*. В неделю православия, первое воскресенье Великого поста, 21 февраля 1613 года несколько духовных лиц с боярином во главе посланы были на Красную площадь, и не успели они с возвышенного места спросить народ, кого хотят в цари, как все закричали:

– Михаила Федоровича!

Летописец отмечает, что Михаила Федоровича просили на царство *«сродственного его ради союза (союза) царских искр»*, а Авраамий Палицын называл Михаила *«избранным от Бога прежде его рождения»*.

В чем крылась причина такого единодушия в выборе царя? Вот что говорит по этому поводу автор Псковского сказания:

«Был царь молод, но был добр, тих, кроток, смирен и благоуветлив, всех любил, всех миловал и щедрил, во: всем был подобен прежнему благоверному царю и дяде своему Федору Ивановичу».

Другой современник отмечал:

«Сей убо благочестия рачитель присно восхваляемый благоверный и христолюбивый царь и великий князь Михаил Федорович, всеа Руси самодержец, бысть благоверен, зело кроток же и милостив».

К этому можно добавить и мнение С. М. Соловьева:

«Наконец, должно заметить, что личность царя Михаила как нельзя более способствовала укреплению его власти: мягкость, доброта и чистота этого государя производила на народ самое выгодное для верховной власти впечатление».

Думается, что при избрании Михаила на царство немалую роль сыграло и то, что он не был замешан ни в одной аванюре Смутного времени. Именно поэтому его избрание было таким единодушным.

В Москве не знали точно, где находились Михаил с матерью. Поэтому, посольство, состоявшее из Феодорита, архиепископа Рязанского и Муромского, Авраамия Палицына и Шереметьева, отправилось сперва в Ярославль, а оттуда в Кострому. Там 14-го марта, сопровождаемое крестным ходом, при огромном стечении народа, пошло в Ипатьевский монастырь уведомить об избрании и бить челом Михаилу Федоровичу и его матери инокине Марфе.

Но послов встретили отнюдь не восторженно, скорее, наоборот. Инокиня Марфа категорически не желала видеть своего сына на престоле и подвергать его жизнь всем опасностям этого положения на Руси, а юный избранник отвечал послам *«с великим гневом и плачем»*, что и сам он государем быть не желает.

Марфа весьма резонно говорила послам:

– Сын мой не в совершенных летах, да и Московскаго государства всяких чинов люди измалодушествовались: дав свои души прежним государям, не прямо служили... Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем? Да и потому еще нельзя: Московское государство от польских и литовских людей и непостоянством русских людей разорилось до конца, прежние сокровища царские, из давних лет собранные, литовские люди вывезли, и кому повелит бог быть царем, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять? Нет нашего согласия.

Послы уверяли, что Михаилу Федоровичу нечего опасаться чего-нибудь подобного, потому что теперь люди Московского государства *«наказались и пришли в соединение... Архиепископ Феодорит со освященным собором и боярин Федор Иванович и весь царский синклит со многими слезами моляще государыню на многи часы»*. Когда это не помогло, использовали последнее средство: взяли иконы и стали молить Марфу, говоря, что сам Бог повелел избрать ее сына царем, отказ же вызовет его гнев. Только после, этого мать благословила Михаила на царство Феодоровской иконой Божией Матери.

Из Костромы Михаил с матерью уехал в Ярославль. Оттуда он писал земскому собору о своем соглашении на избрание, а также о том, чтобы ему все *«верой и правдой служили»*. Земский собор отвечал, что люди со слезами благодарят Бога, молятся о царском здоровье и просят его скорее приехать в Москву: *«тебе бы великому государю нас сирых пожаловать быть в царствующий град поскорей»*.

Но Михаил не торопился в Первопрестольную. Лишь 16 апреля царь «пошел» к Москве, ведя переписку с собором, а также с боярами, которые доносили, что приготовили для государя комнаты царя Ивана, да Грановитую палату, а для матери его хоромы в Вознесенском мона-

стыре, где жила царица Марфа; *«тех же хором, что государь приказал приготовить, отстроить нельзя – денег в казне нет, плотников мало, палаты и хоромы все без кровли, мостов, лавок, дверей и окошек нет – надобно делать все новое, а лесу пригодного скоро не добыть».*

«Кроткий и безответный отрок» ответил довольно сурово: *«по презжнему и по этому нашему указу велите устроить нам золотую палату царицы Ирины, а матери нашей – хоромы царицы Марии; если лесу нет, то велите строить из брусяных хором царя Василия».*

Когда царь прибыл к Троице-Сергеевской лавре, к нему явились дворяне и крестьяне, ограбленные казачьими шайками, бродившими около Москвы. Михаил Федорович объявил послам от собора, что он с матерью дальше не поедет и по этому поводу писал боярам и собору в Москву, что, если *«грабежи и убийства не уймутся, то какой от Бога милости надеяться?»* Пришлось боярам и Собору срочно наводить хотя бы видимость порядка.

Некоторые грамоты царя показывают, что уже в то время Михаил не был просто игрушкой в руках бояр, не был человеком слабым, малодушным и безвольным, а, напротив, четко осознавал свои права и обязанности. В грамоте от 8 апреля 1613 года он писал боярам, что в Москве *«хлебных и всяких запасов мало для обихода нашего, того не будет и на приезд наш. Сборщики, которые посланы вами по городам для кормов, в Москву еще не приезжали, денег ни в котором приказе в сборе нет... и на наш обиход запасов и служилым людям на жалованье денег и хлеба собирать не с кого... чем нам всяких ратных людей жаловать, свои обиходы полнить, бедных служилых людей чем кормить и поить, ружникам и оброчникам всякие запасы откуда брать?»* Мимоходом Михаил не преминул отметить, что не напрашивался на престол: *«учинились мы царем по вашему прошению, а не своим хотеньем, крест нам целовали вы своею волею».*

Наконец, 2 мая совершился торжественный въезд Михаила Федоровича в Кремль. Люди, от мала до велика, вышли за город навстречу государю. Прибыв в Москву, он отправился через Красную площадь в Кремль. У Спасских ворот его встречали крестным ходом с главными государственными и церковными реликвиями. Затем он молился у гробниц русских царей в Архангельском соборе и вместе с матерью слушал молебен в первопрестольном Успенском соборе, после чего всяких чинов люди подходили к царской руке и здоровались великому государю.

В том же Успенском соборе 11 июля Михаил Федорович венчался на царство. На другой день, во время празднования именин царя, Пожарский был пожалован в князья, а Кузьма Минин – в думные дворяне.

Михаил Федорович не отпустил из Москвы выборных земских людей до 1615 года, когда их заменили вновь избранные. Земский собор в течение десяти лет, с 1613 по 1622 годы постоянно находился в Москве, а после постоянного собора уже не было, но соборы созывались часто и длились долго. Эти соборы не только не уменьшали значения царской власти, но и напротив, ее закрепляли.

Личность самого государя Михаила Федоровича, в высшей степени симпатичная, своим обаянием способствовала укреплению царской власти и идеи самодержавия. При нем был введен новый титул «самодержца», а над головами орла вырезаны короны. Царь Михаил Федорович был человек мягкий, добрый. Своими душевными качествами он производил на народ самое выгодное впечатление.

Существует распространенное мнение, что вследствие молодости и неопытности юного царя страной до 1619 года фактически правили инокиня Марфа и её родня. Это опровергается рядом документов: государственные дела вершились, в основном, по указке находившегося в польском плену отца царя, митрополита Филарета, который нашел способ наладить верную связь с сыном и супругой. К тому же, как уже говорилось, первые годы правления Михаила прошли при постоянной работе земских соборов.

Главной заботой была ликвидация военной опасности. Поэтому сразу же были посланы войска против поляков под Смоленск, против шведов под Новгород, а на юг под Астрахань против Заруцкого.

Если шведы и поляки были внешними врагами России, то Заруцкий с Мариной Мнишек стали центром притяжения всех враждебных Михаилу внутренних сил. Обосновавшись в Астрахани, Заруцкий рассылал грамоты казакам, в которых призывал идти в поход на Москву с целью захвата престола для сына царя Дмитрия Ивана.

В ответ из Москвы во многие города и центры казачьей вольницы были посланы грамоты, рассказывающие о новом законном царе Михаиле и злодействах и беззакониях Заруцкого и еретичестве и «воровстве люторки Маринки». Вместе с грамотами – что было значительно важнее – казакам было послано царское жалование, провиант, одежда и прочее.

В итоге многие казачьи отряды перешли на царскую службу, а самого Заруцкого вместе с Мариной и ее четырехлетним сыном Иваном отправили в Москву. Заруцкому отрубили голову, Марину заточили в башню Коломенского Кремля, где она через несколько лет и скончалась в неизвестности, а «воренка Ивашку» публично повесили.

Казнь четырехлетнего ребенка ни в коей мере не украшает правление Михаила Федоровича, но тогда слово «гуманизм» еще не было известно. Самого царя в таких же letech отправили в ссылку, несколько раз жизни его угрожала реальная опасность. Помиловать сына коронованной когда-то полячки означало сохранить очаг новых заговоров и продолжение смут и междоусобиц. Смертью одного ребенка обеспечивалось спокойствие и благополучие целого государства, а Достоевский в то время еще даже не родился.

Если на юге к осени 1614 года обстановка стабилизировалась, то на севере воровство и грабежи только усилились. Выжигались целые деревни, десятки людей погибали от пыток и мучений. Поскольку «ворами» являлись свои же русские люди, то было решено послать против них не войска, а духовенство и авторитетных представителей разных чинов. Эти меры оказались эффективнее оружия – на русской земле воцарилось относительное спокойствие.

Однако разоренной стране не хватало собственных средств для борьбы с внешними врагами. Правительство Михаила послало ко дворам дружественных держав посольство. Роль посредника в переговорах России со Швецией взял на себя английский король Яков I, и в феврале 1617 году был подписан Столбовский мирный договор.

Теперь самой насущной задачей правительства стало подписание мирного договора с Польшей: королевич Владислав заявил, что идет добывать **свой** престол, и возглавил армию, двинувшуюся на Россию.

Владислав не стал тратить силы на захват небольших городков и сразу подошел к Москве. Ему на помощь шел с Украины гетман Сагайдачный. Но план польского наступления стал известен в Москве. Это дало возможность умело организовать оборону и наголову разбить польские войска.

Вскоре воюющие стороны приступили к мирным переговорам. Долгожданный мир, точнее, перемирие на 14 лет и 6 месяцев, был заключен 1 декабря 1618 года в селе недалеко от Троице-Сергиева монастыря. Пленные в 1619 году смогли вернуться домой. Среди них был отец царя Филарет.

Встреча отца с сыном была радостной. Очевидцы писали, что оба они упали на землю и *«от очю, яко реки, радостные слезы пролиаху»*. В память об этом Михаил велел заложить церковь святого Елисея. Он простил всех опальных и выпустил на свободу заключенных. Одновременно был издан указ о награждении всех людей, помогавших ему самому или его родственникам в трудные времена.

Когда Филарет вернулся в Москву. Михаил, чтобы на законных основаниях разделить с ним власть, организовал возведение Филарета в сан патриарха. Для выбора Главы автокефальной русской православной церкви было достаточно решения собора русских иерархов.

Однако Филарета ставит иерусалимский патриарх Феофан, специально приглашенный с этой целью в Москву. Прибегли к этому, видимо, потому, что царь не был уверен в избрании Филарета, запятнанного связью с самозванцем. Так или иначе, но летом 1619 года Филарет стал и патриархом, и вторым «великим государем всеа Русин».

После ликвидации военной угрозы извне правительство Михаила начало заново «строить царство». Прежде всего, нужно было наладить управление государством. Происходит рост числа приказов и упорядочение их функций. По росписи 1639 г. числилось 14 приказов, занимающихся как общегосударственными делами так и делами сословий. Новым был аптекарский приказ, ведавший лекарями. Его возглавлял Ф. И. Шереметев, наиболее влиятельный человек в государстве. Этот приказ занимался здоровьем государя и его семьи. Примечательно, что по инициативе Михаила уже тогда начали отправлять молодых людей за рубеж для изучения медицины.

Однако пока придворными лекарями были англичанин Дий и голландец Бильс, присланные в Москву из дружественных держав «для сохранения царева здравия». С возрастом здоровье Михаила пошатнулось: ему стало трудно ходить, иногда едва мог сам сесть в карету.

Царь отличался благочестием. Даже в очень тяжелое для страны время сразу после вступления на престол он прежде всего заботился о духовных делах. Узнав от священников о чудесах иконы Казанской Богоматери, он повелел установить новый церковный праздник: первое празднество и «ход со кресты» 8 июля, когда явилась эта икона; второе 22 октября, «како очистися Московское государство».

Современники недаром называли Михаила милостивым царем. Хотя казна была пуста, царь давал льготы в уплате податей разоренным городам и едва встающему на ноги купечеству.

Особой заботой царя было развитие внешней торговли. Именно благодаря торговле у России были в то время дружественные отношения с Англией и Голландией. Англичане, первыми открывшие торговый путь через Архангельск, имели в стране множество льгот. Во время войны с Польшей английский король помогал Михаилу деньгами и войском. В Москве постоянно находилось английское представительство.

Дипломатические контакты России в правление Михаила были достаточно широки. Она обменивалась послами с Голландией, Австрией, Данией, Турцией, Персией и другими странами. Примечательным стало посольство Голштинии, поскольку один из его членов, Олеарий, оставил воспоминания о поездке в Россию. Они содержат много ценных сведений о приемах в царском дворце, о быте воевод, торговле, строительстве кораблей, судоходстве по Волге и т. д.

В 1634 году был издан указ, запрещающий употребление табака – Михаил явно был сторонником здорового образа жизни, в отличие от своего неугомонного правнука, силком заставившего Россию закурить.

При Михаиле продолжалось освоение Сибири. В 1618 году русские люди дошли до Енисея и основали город Красноярск. Плодородные земли Сибири не осваивались, поскольку основную часть русского ее населения составляли служилые казаки. Царь распорядился отправить в Тобольск 500 семейств и 150 девиц в жены казакам и стрельцам: семейные люди были больше заинтересованы в заведении собственного хозяйства.

Об отношении царя к чувашам, мордве и казанским татарам свидетельствует грамота 1624 года. Она предписывала свияжскому воеводе обращаться с народами Поволжья ласково, корм покупать у них на деньги, *«убытков не причинять и на дворе у себя работать не заставлять»*.

Царь заботился и о столице. В 1626 году очередной страшный пожар опустошил Москву. Летописцы отмечали, *«в Кремле не остана ничево, не токмо дворы, но и церкви Божия погореша»*. Царь с семьей в это время находились на богомолье в Троице-Сергиевском монастыре. Довольно быстро последствия пожара были ликвидированы.

Обновленная столица стала еще краше. В Кремле были восстановлены все прежние царские дворцы и построены палаты для царевича Алексея, новая колокольня для большого колокола, красивый верх с часами для Фроловских ворот, которые стали называться Спасскими. Вновь были расписаны все кремлевские соборы. Кроме того возвели несколько церквей: во имя Спаса нерукотворного в Кремле, во имя Алексея, человека Божия в Новодевичьем монастыре, Казанской Божьей матери на Кулишках и др.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.